Клайв С. Льюис

ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ

Лев, Колдунья и платяной шкаф
Клайв Стейплз Льюис

Аннотация
Клайв Льюис. Лев, Колдунья и платяной шкаф
Глава первая. Люси заглядывает в платяной шкаф
Глава вторая. Что Люси нашла по ту сторону дверцы
Глава третья. Эдмунд и платяной шкаф
Глава четвёртая. Рахат-лукум
Глава пятая. Опять по ту сторону дверцы
Глава шестая. В лесу
Глава седьмая. День с бобрами
Глава восьмая. Что было после обеда
Глава девятая. В доме Колдуньи
Глава десятая. Чары начинают рассеиваться
Глава одиннадцатая. Аслан всё ближе
Глава двенадцатая. Первая битва Питера
Глава тринадцатая. Тайная магия давних времён
Глава четырнадцатая. Триумф Колдуньи
Глава пятнадцатая. Тайная магия ещё более стародавних времён
Глава шестнадцатая. Что произошло со статуями
Глава семнадцатая. Погоня за Белым Оленем

Аннотация

В загадочном старинном особняке старого-престарого профессора в самом центре Англии Люси находит шкаф, сделанный из волшебного нарнийского дерева, и чудесным образом попадает в Нарнию – но ей никто не верит. Однако совсем скоро Питеру, Эдмунду и Сьюзен доведется самим убедиться в правдивости слов младшей сестры. В мгновение ока они перенесутся из дождливого дня Англии в темную снежную ночь Нарнии.

Почему волшебную Нарнию, страну вечного лета и благоденствия, сковал холодный лед? Сбылось древнее пророчество – дети вновь оказались в Нарнии. Теперь от их поступков зависят судьбы всех обитателей страны.

Клайв Льюис
Лев, Колдунья и платяной шкаф

Посвящается Люси Барфилд

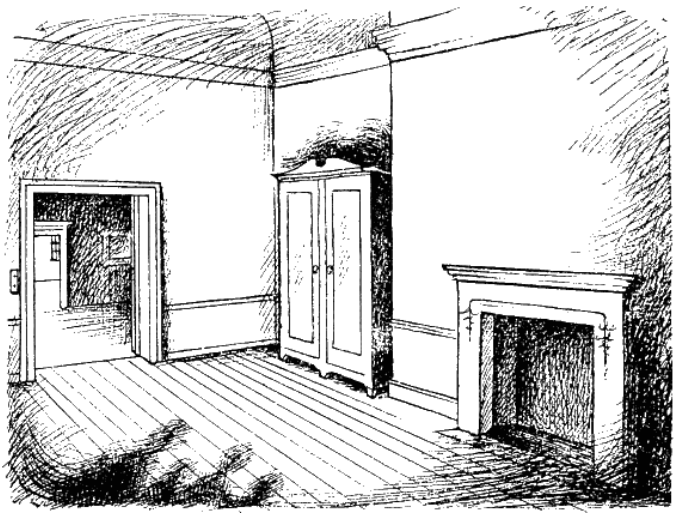
Милая Люси!

Я написал эту историю для тебя, но когда я принимался за неё, я ещё не понимал, что девочки растут быстрее, чем пишутся книги.

И вот теперь ты уже слишком большая для сказок, а к тому времени, когда эту сказку напечатают и выпустят в свет, станешь ещё старше. Но когда-нибудь ты дорастёшь до такого дня, когда вновь начнёшь читать сказки. Тогда ты снимешь эту книжечку с верхней полки, стряхнёшь с неё пыль, а потом скажешь мне, что ты о ней думаешь. Возможно, к тому времени я так состарюсь, что не услышу и не пойму ни слова, но и тогда я по-прежнему буду любящим тебя крёстным.

Клайв С. Льюис

Глава первая
Люси заглядывает в платяной шкаф



Жили-были на свете четверо ребят, их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. В этой книжке рассказывается о том, что приключилось с ними во время войны, когда их вывезли из Лондона, чтобы они не пострадали из-за воздушных нале-

тов. Их отправили к старику профессору, который жил в самом центре Англии, в десяти милях от ближайшей почты. У него никогда не было жены, и он жил в очень большом доме с экономкой по имени миссис Макриди и тремя служанками — Айви, Маргарет и Бетти (но они почти совсем не принимали участия в нашей истории). Профессор был старый-престарый, с взлохмаченными седыми волосами и взлохмаченной седой бородой чуть не до самых глаз. Вскоре ребята его полюбили, но в первый вечер, когда он вышел им навстречу к парадным дверям, он показался им очень чудным. Люси (самая младшая) даже немного его испугалась, а Эдмунд (следующий за Люси по возрасту) с трудом удержался от смеха — ему пришлось сделать вид, что он сморкается.

Когда они в тот вечер пожелали профессору спокойной ночи и поднялись наверх, в спальни, мальчики зашли в комнату девочек, чтобы поболтать обо всем, что они увидели за день.

— Нам здорово повезло, это факт, — сказал Питер. — Ну и заживём мы здесь! Сможем делать всё, что душе угодно. Этот дедуля и слова нам не скажет.

— По-моему, он просто прелесть, — сказала Сьюзен.

— Замолчи! — сказал Эдмунд. Он устал, хотя делал вид, что нисколечко, а когда он уставал, он всегда был не в духе. — Перестань так говорить.

— Как — так? — спросила Сьюзен. — И вообще, тебе пора спать.

— Воображаешь, что ты мама, — сказал Эдмунд. — Кто ты такая, чтобы указывать мне? Тебе самой пора спать.

— Лучше нам всем лечь, — сказала Люси. — Если нас услышат, нам попадёт.

— Не попадёт, — сказал Питер. — Говорю вам, это такой дом, где никто не станет смотреть, чем мы заняты. Да нас и не услышат. Отсюда до столовой не меньше десяти минут ходу по всяким лестницам и коридорам.

— Что это за шум? — спросила вдруг Люси.

Она ещё никогда не бывала в таком громадном доме, и при мысли о длиннющих коридорах с рядами дверей в пустые комнаты ей стало не по себе.

— Просто птица, глупая, — сказал Эдмунд.

— Это сова, — добавил Питер. — Тут должно водиться видимо-невидимо всяких птиц. Ну, я ложусь. Послушайте, давайте завтра пойдём на разведку. В таких местах, как здесь, можно много чего найти. Вы видели горы, когда мы ехали сю-

да? А лес? Тут, верно, и орлы водятся. И олени! А уж ястребы точно.

— И барсуки, — сказала Люси.

— И лисицы, — сказал Эдмунд.

— И кролики, — сказала Сьюзен.

Но когда наступило утро, оказалось, что идёт дождь, да такой частый, что из окна не было видно ни гор, ни леса, даже ручья в саду, и того не было видно.

— Ясное дело, без дождя нам не обойтись! — сказал Эдмунд.

Они только что позавтракали вместе с профессором и поднялись наверх, в комнату, которую он им выделил для игр, — длинную низкую комнату с двумя окнами в одной стене и двумя — в другой, напротив.

— Перестань ворчать, Эд, — сказала Сьюзен. — Спорю на что хочешь, через час прояснится. А пока тут есть приемник и куча книг. Чем плохо?

— Ну нет, — сказал Питер, — это занятие не для меня. Я пойду на разведку по дому.

Все согласились, что лучше игры не придумаешь. Так вот и начались их приключения. Дом был огромный — казалось, ему не будет конца, — и в нём было полно самых удивительных уголков. Вначале двери, которые они приоткры-

вали, вели, как и следовало ожидать, в пустые спальни для гостей. Но вскоре ребята попали в длинную-предлинную, увешанную картинами комнату, где стояли рыцарские доспехи; за ней шла комната с зелёными портьерами, в углу которой они увидели арфу. Потом, спустившись на три ступеньки и поднявшись на пять, они очутились в небольшом зале с дверью на балкон; за залом шла анфилада комнат, все стены которых были уставлены шкафами с книгами — это были очень старые книги в тяжёлых кожаных переплетах. А потом ребята заглянули в комнату, где стоял большой платяной шкаф. Вы, конечно, видели такие платяные шкафы с зеркальными дверцами. Больше в комнате ничего не было, кроме высохшей синей мухи на подоконнике.

— Пусто, — сказал Питер, и они друг за другом вышли из комнаты… все, кроме Люси. Она решила попробовать, не откроется ли дверца шкафа, хотя была уверена, что он заперт. К ее удивлению, дверца сразу же распахнулась, и оттуда выпали два шарика нафталина.

Люси заглянула внутрь. Там висело несколько длинных меховых шуб. Больше всего на свете Люси любила гладить мех. Она тут же влезла в шкаф и принялась тереться о мех лицом; дверцу

она, конечно, оставила открытой — ведь она знала: нет ничего глупей, чем запереть самого себя в шкафу. Люси забралась поглубже и увидела, что за первым рядом шуб висит второй. В шкафу было темно, и, боясь удариться о что-нибудь носом, она вытянула перед собой руки. Девочка сделала шаг, еще один и еще. Она ждала, что вот-вот упрётся кончиками пальцев в заднюю стенку, но пальцы по-прежнему уходили в пустоту.

«Ну и огромный шкафище! — подумала Люси, раздвигая пушистые шубы и пробираясь все дальше и дальше. Тут под ногой у нее что-то хрустнуло. — Интересно, что это такое? — подумала она. — Ещё один нафталиновый шарик?» Люси нагнулась и принялась шарить рукой. Но вместо гладкого деревянного пола ее рука коснулась чего-то мягкого, рассыпающегося и очень-очень холодного.

— Как странно, — сказала она и сделала ещё два шага вперед.

В следующую секунду она почувствовала, что её лицо и руки упираются не в мягкие складки меха, а во что-то твердое, шершавое и даже колючее.

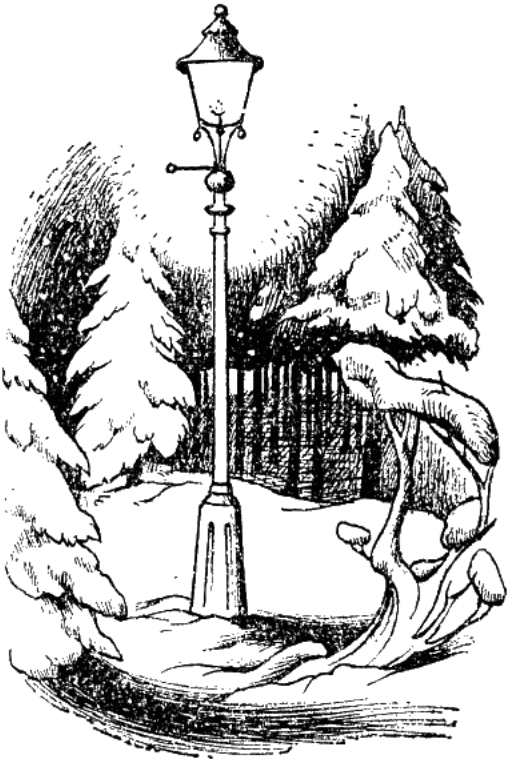
— Прямо, как ветки дерева! — воскликнула Люси.

И тут она заметила впереди свет, но не там,

где должна быть стенка шкафа, а далеко-далеко. Сверху падало что-то мягкое и холодное. Ещё через мгновение она увидела, что стоит посреди леса, под ногами у неё снег, с ночного неба падают снежные хлопья.

Люси немного испугалась, но любопытство оказалось сильнее, чем страх. Она оглянулась через плечо: позади, между темными стволами деревьев, видна была раскрытая дверца шкафа и сквозь нее — комната, из которой она попала сюда (вы, конечно, помните, что Люси оставила дверцу открытой). Там, за шкафом, по-прежнему был день.

«Я всегда смогу вернуться, если что-нибудь пойдёт не так», — подумала Люси и двинулась вперёд. «Хруп, хруп», — хрустел снег под её ногами. Минут через десять она подошла к тому месту, откуда исходил свет. Перед ней был… фонарный столб. Люси вытаращила глаза. Почему среди леса стоит фонарь? И что ей делать дальше? И тут она услышала лёгкое поскрипывание шагов. Шаги приближались. Прошло несколько секунд, и из-за деревьев показалось и вступило в круг света от фонаря очень странное существо.



Ростом оно было чуть повыше Люси и держало над головой зонтик, белый от снега. Верхняя часть его тела была человеческой, а ноги, покрытые чёрной блестящей шерстью, были козлиные,

с копытцами внизу. У него был также хвост, но Люси сперва этого не заметила, потому что хвост был аккуратно перекинут через руку — ту, в которой это существо держало зонт, — чтобы хвост не волочился по снегу. Вокруг шеи был обмотан толстый красный шарф, под цвет красноватой кожи. У него было странное, но очень славное личико с короткой острой бородкой и кудрявые волосы, по обе стороны лба из волос выглядывали рожки. В одной руке, как я уже сказал, оно держало зонтик, в другой — несколько пакетов, завернутых в оберточную бумагу. Пакеты, снег кругом — казалось, оно идет из магазина с рождественскими покупками. Это был фавн. При виде Люси он вздрогнул от неожиданности. Все пакеты попадали на снег.

— Батюшки! — воскликнул фавн.

Глава вторая
Что Люси нашла по ту сторону дверцы

— Здравствуйте, — сказала Люси. Но фавн был очень занят — он подбирал свои пакеты — и ничего ей не ответил. Собрав их все до единого, он поклонился Люси.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал фавн. — Простите… я не хочу быть чересчур любопытным… но я не ошибаюсь, вы — дочь Евы?

— Меня зовут Люси, — сказала она, не совсем

понимая, что фавн имеет в виду.

— Но вы… простите меня… вы… как это называется… девочка? — спросил фавн.

— Конечно, я девочка, — сказала Люси.

— Другими словами, вы — настоящий человеческий Человек?

— Конечно, я человек, — сказала Люси, по-прежнему недоумевая.

— Разумеется, разумеется, — проговорил фавн. — Как глупо с моей стороны! Но я ни разу ещё не встречал сына Адама или дочь Евы. Я в восторге. То есть… — Тут он замолк, словно чуть было не сказал нечаянно то, чего не следовало, но вовремя об этом вспомнил. — В восторге, в восторге! — повторил он. — Разрешите представиться. Меня зовут мистер Тумнус.

— Очень рада познакомиться, мистер Тумнус, — сказала Люси.

— Разрешите осведомиться, о Люси, дочь Евы, как вы попали в Нарнию?

— В Нарнию? Что это? — спросила Люси.

— Нарния — это страна, — сказал фавн, — где мы с вами сейчас находимся; все пространство между Фонарным столбом и огромным замком Кэр-Параваль на восточном море. А вы… пришли из диких западных лесов?

— Я… я пришла через платяной шкаф из пустой комнаты…

— Ах, — сказал мистер Тумнус печально, — если бы я как следует учил географию в детстве, я бы, несомненно, всё зал об этих неведомых странах. Теперь уже поздно.

— Но это вовсе не страна, — сказала Люси, едва удерживаясь от смеха. — Это в нескольких шагах отсюда… по крайней мере… не знаю. Там сейчас лето.

— Ну а здесь, в Нарнии, зима, — сказал мистер Тумнус, — и тянется она уже целую вечность. И мы оба простудимся, если будем стоять и беседовать тут, на снегу. Дочь Евы из далёкой страны Пуста-Якомната, где царит вечное лето в светлом городе Платенашкаф, не хотите ли вы зайти ко мне и выпить со мной чашечку чаю?

— Большое спасибо, мистер Тумнус, — сказала Люси. — Но мне, пожалуй, пора домой.

— Я живу в двух шагах отсюда, — сказал фавн, — и у меня очень тепло… горит камин… и есть поджаренный хлеб… и сардины… и пирог.

— Вы очень любезны, — сказала Люси. — Но мне нельзя задерживаться надолго.

— Если вы возьмёте меня под руку, о дочь Евы, — сказал мистер Тумнус, — я смогу держать

зонтик над нами обоими. Нам сюда. Ну что же, пошли.

И Люси пустилась в путь по лесу под руку с фавном, словно была знакома с ним всю жизнь.

Вскоре почва у них под ногами стала неровная, там и тут торчали большие камни; путники то поднимались на холм, то спускались с холма. На дне небольшой лощины мистер Тумнус вдруг свернул в сторону, словно собирался пройти прямо сквозь скалу, но, подойдя к ней вплотную, Люси увидела, что они стоят у входа в пещеру. Когда они вошли, Люси даже зажмурилась — так ярко пылали дрова в камине. Мистер Тумнус нагнулся и, взяв начищенными щипцами головню, зажёг лампу.

— Ну, теперь скоро, — сказал он и в тот же миг поставил на огонь чайник.

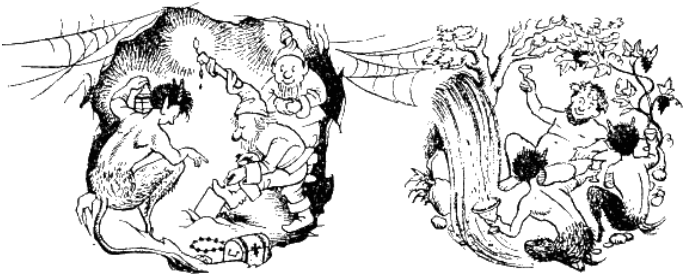
Люси не случалось ещё видеть такого уютного местечка. Они находились в маленькой, сухой, чистой пещерке со стенами из красноватого камня. На полу лежал ковер, стояли два креслица («Одно для меня, другое — для друга», — сказал мистер Тумнус), стол и кухонный буфет, над камином висел портрет старого фавна с седой бородкой. В углу была дверь («Наверно, в спальню мистера Тумнуса», — подумала Люси), рядом — полка с книгами. Пока мистер Тумнус накрывал на стол, Люси читала названия: «Жизнь и письма Силена», «Нимфы и их обычаи», «Исследование

распространённых легенд», «Является ли Человек мифом».

— Милости просим, дочь Евы, — сказал фавн.

Чего только не было на столе! И яйца всмятку — по яйцу на каждого из них, — и поджаренный хлеб, и сардины, и масло, и мёд, и облитый сахарной глазурью пирог. А когда Люси устала есть, фавн начал рассказывать ей о жизни в лесу. Ну и удивительные это были истории! Он рассказывал ей о полуночных плясках, когда наяды, живущие в колодцах, и дриады, живущие на деревьях, выходят, чтобы танцевать с фавнами; об охотах на белого, как молоко, оленя, который исполняет все твои желания, если тебе удаётся его поймать; о пиратах и поисках сокровищ вместе с гномами в пещерах и копях глубоко под землёй; и о лете, когда лес стоит зелёный и к ним приезжает в

гости на своём толстом осле Силен, а иногда сам Вакх, и тогда в реках вместо воды течёт вино и в лесу неделя за неделей длится праздник.



— Только теперь у нас всегда зима, — печально добавил он.

И чтобы приободриться, фавн вынул из футляра, который лежал на шкафчике, странную маленькую флейту, на вид сделанную из соломы, и принялся играть. Люси сразу захотелось смеяться и плакать, пуститься в пляс и уснуть — всё в одно и то же время.

Прошёл, видно, не один час, пока она очнулась и сказала:

— Ах, мистер Тумнус… мне так неприятно вас прерывать… и мне очень нравится мотив… но, право же, мне пора домой. Я ведь зашла всего на несколько минут.

— Теперь поздно об этом говорить, — промол-

вил фавн, кладя флейту и грустно покачивая головой.

— Поздно? — переспросила Люси и вскочила с места. Ей стало страшно. — Что вы этим хотите сказать? Мне нужно немедленно идти домой. Там все, наверное, беспокоятся. — Но тут же воскликнула: — Мистер Тумнус! Что с вами? — Потому что карие глаза фавна наполнились слезами, затем слезы покатились у него по щекам, закапали с кончика носа, и наконец он закрыл лицо руками и заплакал в голос.

— Мистер Тумнус! Мистер Тумнус! — страшно расстроившись, промолвила Люси. — Не надо, не плачьте! Что случилось? Вам нехорошо? Миленький мистер Тумнус, скажите, пожалуйста, скажите, что с вами?

Но фавн продолжал рыдать так, словно у него разрывалось сердце. И даже когда Люси подошла к нему и обняла его и дала ему свой носовой платок, он не успокоился. Он только взял платок и тёр им нос и глаза, выжимая его на пол обеими руками, когда он становился слишком мокрым, так что вскоре Люси оказалась в большой луже.

— Мистер Тумнус! — громко закричала Люси прямо в ухо фавну и потрясла его. — Пожалуйста, перестаньте. Сейчас же перестаньте. Как вам не стыдно, такой большой фавн! Ну почему, почему вы плачете?

— А-а-а! — ревел мистер Тумнус. — Я плачу, потому что я очень плохой фавн.

— Я вовсе не думаю, что вы плохой фавн, — сказала Люси. — Я думаю, что вы очень хороший фавн. Вы самый милый фавн, с каким я встречалась.

— А-а, вы бы так не говорили, если бы знали, — отвечал, всхлипывая, мистер Тумнус. — Нет, я

плохой фавн. Такого плохого фавна не было на всём белом свете.

— Да что вы натворили? — спросила Люси.

— Мой батюшка… это его портрет там, над камином… он бы ни за что так не поступил…

— Как — так? — спросила Люси.

— Как я, — сказал фавн. — Пошёл на службу к Белой Колдунье — вот что я сделал. Я на жалованье у Белой Колдуньи.

— Белой Колдуньи? Кто она такая?

— Она? Она та самая, у кого вся Нарния под башмаком. Та самая, из-за которой у нас вечная зима. Вечная зима, а Рождества всё нет и нет. Только подумайте!

— Ужасно! — сказала Люси. — Но вам-то она за что платит?

— Вот тут и есть самое плохое, — сказал мистер Тумнус с глубоким вздохом. — Я похититель детей, вот за что. Взгляните на меня, дочь Евы. Можно ли поверить, что я способен, повстречав в лесу бедного невинного ребёнка, который не причинил мне никакого зла, притвориться, будто дружески к нему расположен, пригласить к себе в пещеру и усыпить своей флейтой — всё ради того, чтобы отдать несчастного в руки Белой Колдуньи?

— Нет, — сказала Люси. — Я уверена, что вы не способны так поступить.

— Но я поступил так, — сказал фавн.

— Ну что ж, — отозвалась Люси, помедлив (она не хотела говорить неправду и вместе с тем не хотела быть очень уж суровой с ним), — что ж, это было нехорошо с вашей стороны. Но вы сожалеете о своём поступке, и я уверена, что больше вы никогда так не сделаете.

— О, дочь Евы, неужели вы не понимаете? — спросил фавн. — Я не когда-то раньше поступил так. Я делаю так сейчас, в этот самый миг.

— Что вы хотите сказать?! — вскричала Люси и побелела как полотно.

— Вы — тот самый ребёнок, — проговорил мистер Тумнус. — Белая Колдунья мне приказала, если я вдруг увижу в лесу сына Адама или дочь Евы, поймать их и передать ей. А вы — первая, кого я встретил. Я притворился вашим другом и позвал к себе выпить чаю, и всё это время я ждал, пока вы заснёте, чтобы пойти и сказать обо всём ей.

— Ах, но вы не скажете ей обо мне, мистер Тумнус! — воскликнула Люси. — Ведь правда, не скажете? Не надо, пожалуйста, не надо!

— А если я ей не скажу, — подхватил он, вновь

принимаясь плакать, — она непременно об этом узнает. И велит отрубить мне хвост, отпилить рожки и выщипать бороду. Она взмахнет волшебной палочкой — и мои хорошенькие раздвоенные копытца превратятся в копытища, как у лошади. А если она особенно разозлится, она обратит меня в камень, и я сделаюсь статуей фавна и буду стоять в её страшном замке до тех пор, пока все четыре трона в Кэр-Паравале не окажутся заняты. А кто ведает, когда это случится и случится ли вообще.

— Мне очень жаль, мистер Тумнус, — сказала Люси, — но, пожалуйста, отпустите меня домой.

— Разумеется, отпущу, — сказал фавн. — Разумеется, я должен это сделать. Теперь мне это ясно. Я не знал, что такое Люди, пока не повстречал вас. Конечно, я не могу выдать вас Колдунье теперь, когда с вами познакомился. Но нам надо скорее уходить. Я провожу вас до Фонарного столба. Вы ведь найдете оттуда дорогу в Платенашкаф и Пуста-Якомнату?

— Конечно, найду, — сказала Люси.

— Надо идти как можно тише, — сказал мистер Тумнус. — Лес полон её шпионов. Некоторые деревья, и те на её стороне.

Они даже не убрали со стола. Мистер Тумнус

снова раскрыл зонтик, взял Люси под руку, и они вышли из пещеры наружу. Путь обратно был совсем не похож на путь в пещеру фавна: не обмениваясь ни словом, они крались под деревьями чуть не бегом. Мистер Тумнус выбирал самые тёмные местечки. Наконец они добрались до Фонарного столба. Люси вздохнула с облегчением.

— Вы знаете отсюда дорогу, о дочь Евы? — спросил мистер Тумнус. Люси вгляделась в темноту и увидела вдали, между стволами деревьев, светлое пятно.

— Да, — сказала она, — я вижу открытую дверцу платяного шкафа.

— Тогда бегите скорее домой, — сказал фавн, — и… вы… вы можете простить меня за то, что я собирался сделать?

— Ну конечно же, — сказала Люси, горячо, от всего сердца пожимая ему руку. — И я надеюсь, у вас не будет из-за меня больших неприятностей.

— Счастливого пути, дочь Евы, — сказал он. — Можно я оставлю ваш платок себе на память?

— Пожалуйста, — сказала Люси и со всех ног помчалась к далёкому пятну дневного света. Вскоре она почувствовала, что руки ее раздвигают не колючие ветки деревьев, а мягкие меховые шубы, что под ногами у неё не скрипучий снег, а

деревянные планки, и вдруг — хлоп! — она очутилась в той самой пустой комнате, где начались её приключения. Она крепко прикрыла дверцу шкафа и оглянулась вокруг, всё еще не в силах перевести дыхание. По-прежнему шёл дождь, в коридоре слышались голоса её сестры и братьев.

— Я здесь! — закричала она. — Я здесь. Я вернулась. Всё в порядке.

Глава третья
Эдмунд и платяной шкаф

Люси выбежала из пустой комнаты в коридор,

где были все остальные.

— Всё в порядке, — повторила она. — Я вернулась.

— О чём ты говоришь? — спросила Сьюзен. — Ничего не понимаю.

— Как о чём? — удивлённо сказала Люси. — Разве вы не беспокоились, куда я пропала?

— Так ты пряталась, да? — сказал Питер. — Бедняжка Лу спряталась, и никто этого не заметил! В следующий раз прячься подольше, если хочешь, чтобы тебя начали искать.

— Но меня не было здесь много часов, — сказала Люси.

Ребята вытаращили друг на друга глаза.

— Свихнулась! — проговорил Эдмунд, постукав себя пальцем по лбу. — Совсем свихнулась.

— Что ты хочешь сказать, Лу? — спросил Питер.

— То, что сказала, — ответила Люси. — Я влезла в шкаф сразу после завтрака, и меня не было здесь много часов подряд, и я пила чай в гостях, и со мной случились самые разные приключения.

— Не болтай глупости, Люси, — сказала Сьюзен. — Мы только что вышли из этой комнаты, а ты была там с нами вместе.

— Да она не болтает, — сказал Питер, — она

просто придумала всё для интереса, правда, Лу? А почему бы и нет?

— Нет, Питер, — сказала Люси. — Я ничего не сочинила. Это волшебный шкаф. Там внутри лес и идёт снег. И там есть фавн и Колдунья, и страна называется Нарния. Пойди посмотри.

Ребята не знали, что и подумать, но Люси была в таком возбуждении, что они вернулись вместе с ней в пустую комнату. Она подбежала к шкафу, распахнула дверцу и крикнула:

— Скорей лезьте сюда и посмотрите своими глазами!

— Ну и глупышка, — сказала Сьюзен, засовывая голову в шкаф и раздвигая шубы. — Обыкновенный платяной шкаф. Погляди, вот его задняя стенка.

И тут все остальные заглянули внутрь, и раздвинули шубы, и увидели — да Люси сама ничего другого сейчас не видела — обыкновенный платяной шкаф. За шубами не было ни леса, ни снега — только задняя стенка и крючки на ней. Питер влез в шкаф и постучал по стене костяшками пальцев, чтобы убедиться, что она сплошная.

— Хорошо ты нас разыграла, Люси, — проговорил он, вылезая из шкафа. — Выдумка что надо, ничего не скажешь. Мы чуть было не поверили

тебе.

— Но я ничего не выдумала, — возразила Люси. — Честное слово. Минуту назад здесь все было по-другому. Правда было, на самом деле.

— Хватит, Лу, — сказал Питер. — Не перегибай палку. Ты хорошо над нами подшутила, и хватит.

Люси вспыхнула, попыталась было что-то сказать, хотя толком не знала что, и разревелась.

Следующие несколько дней были печальными для Люси. Ей ничего не стоило помириться с остальными, надо было только согласиться, что она выдумала всё для смеха. Но Люси была очень правдивая девочка, а сейчас она твёрдо знала, что она права, поэтому она никак не могла заставить себя отказаться от своих слов. А её сестра и братья считали, что это ложь, причём глупая ложь, и Люси было очень обидно. Двое старших хотя бы не трогали ее, но Эдмунд иногда бывал порядочным злюкой, и на этот раз он показал себя во всей красе. Он дразнил Люси и приставал к ней, без конца спрашивая, не открыла ли она каких-нибудь стран в других платяных шкафах. И что обидней — если бы не ссора, она могла чудесно провести эти дни. Стояла прекрасная погода, ребята весь день были на воздухе. Они

купались, ловили рыбу, лазали по деревьям и валялись на траве. Но Люси всё было не мило. Так продолжалось до первого дождливого дня.

Когда после обеда ребята увидели, что погода вряд ли изменится к лучшему, они решили играть в прятки. Водила Сьюзен, и, как только все разбежались в разные стороны, Люси пошла в пустую комнату, где стоял платяной шкаф. Она не собиралась прятаться в шкафу, она знала, что, если её там найдут, остальные снова станут вспоминать эту злосчастную историю. Но ей очень хотелось ещё разок заглянуть в шкаф, потому что к этому времени она и сама стала думать, уж не приснились ли ей фавн и Нарния.

Дом был такой большой и запутанный, в нём было столько укромных уголков, что она вполне могла глянуть одним глазком в шкаф, а потом спрятаться в другом месте. Но не успела Люси войти в комнату, как снаружи послышались шаги. Ей оставалось лишь быстренько забраться в шкаф и притворить за собой дверцу. Однако она оставила небольшую щелочку, ведь она знала, что запереть себя в шкафу очень глупо, даже если это простой, а не волшебный шкаф.

Так вот, шаги, которые она слышала, были шагами Эдмунда; войдя в комнату, он успел заме-

тить, что Люси скрылась в шкафу. Он сразу решил тоже залезть в шкаф. Не потому, что там так уж удобно прятаться, а потому что ему хотелось ещё раз подразнить Люси её выдуманной страной. Он распахнул дверцу. Перед ним висели меховые шубы, пахло нафталином, внутри было тихо и тепло. Где же Люси? «Она думает, что я — Сьюзен и сейчас её поймаю, — сказал себе Эдмунд, — вот и притаилась у задней стенки». Он прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу, забыв, что делать так очень глупо. Затем принялся шарить между шубами. Он ждал, что сразу же схватит Люси, и очень удивился, не найдя её. Он решил открыть дверцу шкафа, чтобы ему было светлей, но и дверцу найти он тоже не смог. Это ему не понравилось, да ещё как! Он заметался в разные стороны и закричал:

— Люси, Лу! Где ты? Я знаю, что ты здесь!

Но ему никто не ответил, и Эдмунду показалось, что голос его звучит очень странно — как на открытом воздухе, а не в шкафу. Он заметил также, что ему почему-то стало очень холодно. И тут он увидел светлое пятно.

— Уф! — с облегчением вздохнул Эдмунд. — Верно, дверца растворилась сама собой.

Он забыл про Люси и двинулся по направле-

нию к свету. Он думал, что это открытая дверца шкафа. Но вместо того чтобы выйти из шкафа и оказаться в пустой комнате, он, к своему удивлению, обнаружил, что выходит из-под густых елей на поляну среди дремучего леса.

Под его ногами поскрипывал сухой снег, снег лежал на еловых лапах. Над головой у него было светло-голубое небо — такое небо бывает на заре ясного зимнего дня. Прямо перед ним между

стволами деревьев, красное и огромное, вставало солнце. Было тихо-тихо, словно он — единственное здесь живое существо. На деревьях не видно было ни птиц, ни белок, во все стороны, насколько доставал глаз, уходил тёмный лес. Эдмунда стала бить дрожь.

Тут только он вспомнил, что искал Люси. Он вспомнил также, как дразнил её «выдуманной» страной, а страна оказалась настоящей. Он подумал, что сестра где-нибудь неподалеку, и крикнул:

— Люси! Люси! Я тоже здесь. Это Эдмунд.

«Злится на меня за всё, что я ей наговорил в последние дни», — подумал Эдмунд. И хотя ему не очень-то хотелось признаваться, что он был не прав, ещё меньше ему хотелось быть одному в этом страшном, холодном, безмолвном лесу, поэтому он снова закричал:

— Лу! Послушай, Лу… Прости, что я тебе не верил. Я вижу, что ты говорила правду. Ну, выходи же. Давай мириться.

По-прежнему никакого ответа.

«Девчонка остается девчонкой, — сказал себе Эдмунд. — Дуется на меня и не желает слушать извинений». Он ещё раз огляделся, и ему совсем тут не понравилось. Он уже почти решил воз-

вращаться домой, как вдруг услышал далёкий перезвон бубенчиков. Он прислушался. Перезвон становился всё громче и громче, и вот на поляну выбежали два северных оленя, запряжённых в сани.

Олени были величиной с шотландских пони, и шерсть у них была белая-пребелая, белее снега; их ветвистые рога были позолочены, и когда на рога попадал луч солнца, они вспыхивали, словно охваченные пламенем. Упряжь из ярко-красной кожи была увешана колокольчиками. На санях, держа в руках вожжи, сидел толстый

гном; если бы он встал во весь рост, он оказался бы не выше метра. На нем была шуба из шкуры белого медведя, на голове — красный колпак с золотой кисточкой, свисавшей на длинном шнурке. Огромная борода ковром укутывала гному колени. А за ним, на высоком сиденье, восседала фигура, ничем не похожая на него. Это была важная дама, выше всех женщин, которых знал Эдмунд. Она тоже была закутана в белый мех, на голове у неё сверкала золотая корона, в руке — длинная золотая палочка. Лицо у неё тоже было белое — не просто бледное, а белое как снег, как бумага, как сахарная глазурь на пироге, а рот — ярко-красный. Красивое лицо, но надменное, холодное и суровое.

Великолепное это было зрелище, когда сани во весь опор неслись по направлению к Эдмунду: звенели колокольчики, гном щелкал хлыстом, по обеим сторонам взлетал сверкающий снег.

— Стой! — сказала дама, и гном так натянул вожжи, что олени чуть не присели на задние ноги. Затем стали как вкопанные, грызя удила и тяжело дыша. В морозном воздухе пар вырывался у них из ноздрей, словно клубы дыма. — А это что такое? — сказала дама, пристально глядя на мальчика.

— Я… я… меня зовут Эдмунд, — пробормотал он, запинаясь. Ему не понравилось, как она на него смотрит.

Дама нахмурилась.

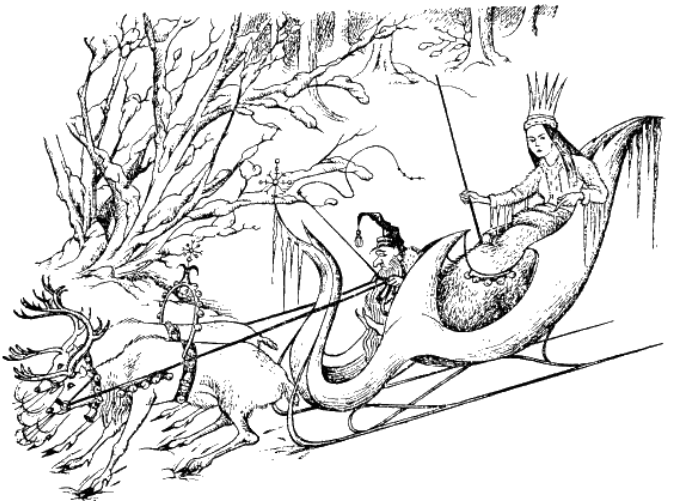
— Кто так обращается к королеве? — сказала она, глядя на Эдмунда ещё более сурово, чем прежде.

— Простите меня, ваше величество, — сказал Эдмунд. — Я не знал.

— Не знать королеву Нарнии! — вскричала она. — Ну, скоро ты нас узнаешь! Ещё раз спрашиваю: что ты такое?

— Прошу прощения, ваше величество, я вас не совсем понимаю, — сказал Эдмунд. — Я школьник… хожу в школу, то есть ходил. Сейчас у нас каникулы.

Глава четвёртая
Рахат-лукум



— Какой ты породы? — снова спросила Колдунья. — Ты что — переросший карлик, который обрезал бороду?

— Нет, ваше величество. У меня ещё нет бороды. Я — мальчик.

— Мальчик! — воскликнула Колдунья. — Ты

хочешь сказать, ты — сын Адама?

Эдмунд стоял не двигаясь и молчал. К этому времени в голове у него был такой ералаш, что он не понял вопроса королевы.

— Я вижу, что ты — олух, кем бы ты ни был ещё, — промолвила королева. — Отвечай мне наконец, пока у меня не лопнуло терпение. Ты — Человек?

— Да, ваше величество, — сказал Эдмунд.

— А как ты, скажи на милость, попал в мои владения?

— Простите, ваше величество, я прошёл сквозь платяной шкаф.

— Платяной шкаф? Что ты имеешь в виду?

— Я… я отворил дверцу и… и очутился здесь, ваше величество, — пролепетал Эдмунд.

— Ха! — сказала королева скорее самой себе, чем ему. — Дверцу! Дверь из мира Людей! Я слышала о подобных вещах. Это может всё погубить. Но он всего один, и с ним нетрудно управиться.

С этими словами Колдунья привстала с сиденья и взглянула Эдмунду прямо в лицо. Глаза её сверкали. Она подняла волшебную палочку. Эдмунд был уверен, что она собирается сделать с ним что-то ужасное, но не мог и шевельнуться.

И тут, когда мальчик окончательно решил, что пропал, она, видимо, передумала.

— Бедное моё дитя, — проговорила она совсем другим тоном. — Ты, наверное, замёрз. Иди сюда, садись рядом со мной в сани. Я закутаю тебя в плащ, и мы потолкуем.

Эдмунду это решение пришлось не совсем по

вкусу, но он не решился возражать. Он взобрался в сани и сел у её ног, а Колдунья накинула на него полу плаща и хорошенько подоткнула мех со всех сторон.

— Не хочешь ли выпить чего-нибудь горяченького? — спросила она.

— Да, пожалуйста, ваше величество, — сказал Эдмунд. Зубы у него стучали от страха и холода.

Откуда-то из складок плаща Колдунья вынула небольшую бутылочку, сделанную из жёлтого металла, похожего на медь. Вытянув руку, она капнула из бутылочки одну каплю на снег возле саней. Эдмунд видел, как капля сверкнула в воздухе, подобно бриллианту. В следующую секунду она коснулась снега, послышалось шипение, и перед ним, откуда ни возьмись, возник покрытый драгоценными камнями кубок с неведомой жидкостью, от которой шёл пар. Карлик тут же схватил его и подал Эдмунду с поклоном и улыбочкой — не очень-то приятной, по правде говоря. Как только Эдмунд принялся отхлёбывать это сладкое, пенящееся, густое питьё, ему стало гораздо лучше. Он никогда не пробовал ничего похожего, питьё согрело Эдмунда с ног до головы.

— Скучно пить и не есть, — сказала Королева. —

Чего бы тебе хотелось больше всего, сын Адама?

— Рахат-лукума, если можно, ваше величество, — проговорил Эдмунд.

Королева вновь капнула на снег одну каплю из медного флакона — и в тот же миг капля превратилась в круглую коробку, перевязанную зелёной шёлковой лентой. Когда Эдмунд её открыл, она оказалась полна великолепного рахат-лукума. Каждый кусочек был насквозь прозрачный и очень сладкий. Эдмунду в жизни ещё не доводилось отведывать такого вкусного рахат-лукума. Он уже совсем согрелся и чувствовал себя превосходно.

Пока он лакомился, Колдунья задавала ему вопрос за вопросом. Сперва Эдмунд старался не забывать, что невежливо говорить с полным ртом, но скоро он думал только об одном: как бы запихать в рот побольше рахат-лукума, и чем больше он его ел, тем больше ему хотелось ещё, и он ни разу не задумался над тем, почему Колдунья расспрашивает его с таким любопытством. Она заставила его рассказать, что у него есть брат и две сестры, и что одна из сестёр уже бывала в Нарнии и встретила тут фавна, и что никто, кроме него самого, его брата и сестёр, ничего о Нарнии не знает. Особенно заинтересовало её

то, что их четверо, и она снова и снова к этому возвращалась.

— Ты уверен, что вас четверо? — спрашивала она. — Два сына Адама и две дочери Евы — не больше и не меньше?

И Эдмунд, набив рот рахат-лукумом, снова и снова отвечал:

— Да, я уже вам говорил.

Он забывал добавлять «ваше величество», но она, судя по всему, уже не обращала на это внимания.

Наконец с рахат-лукумом было покончено. Эдмунд во все глаза уставился на пустую коробку — вдруг Колдунья спросит, не хочет ли он ещё. Возможно, она догадывалась, о чём он думает, ведь она знала — а он-то нет, — что это волшебный рахат-лукум, и тому, кто хоть раз его попробует, хочется ещё и ещё, и если ему позволить, будет есть до тех пор, пока не лопнет от объедения. Но она не предложила Эдмунду больше. Вместо этого она сказала ему:

— Сын Адама! Мне было бы очень приятно повидать твоего брата и твоих двух сестёр. Не приведёшь ли ты их ко мне в гости?

— Попробую, — сказал Эдмунд, все ещё не отводя глаз от пустой коробки.

— Если ты снова сюда придёшь, конечно, вместе с ними, я опять угощу тебя рахат-лукумом. Сейчас я не могу этого сделать, магия больше не подействует. Другое дело — у меня в замке.

— Почему бы нам не поехать сейчас к вам? — спросил Эдмунд. Когда Колдунья предлагала ему сесть к ней на колени, он испугался, как бы она не увезла его куда-нибудь далеко, в неизвестное место, откуда он не сумеет найти дорогу назад, но теперь он позабыл всякий страх.

— Мой замок очень красив, — сказала Колдунья. — Я уверена, что тебе там понравится. Там есть комнаты, с полу до потолка заставленные рахат-лукумом. И вот что ещё: у меня нет своих детей. Я хочу усыновить славного мальчика и сделать его принцем. Когда я умру, он станет королём Нарнии. Принц будет носить золотую корону и целый день есть рахат-лукум, а ты — самый умный и самый красивый мальчик из всех, кого я встречала. Я была бы не прочь сделать тебя принцем… потом, когда ты приведёшь ко мне остальных.

— А почему не сейчас? — спросил Эдмунд. Лицо его раскраснелось, рот и руки были липкие от рахат-лукума. Он не выглядел ни красивым, ни умным, что бы там ни говорила королева.

— Если я возьму тебя с собой, — сказала она, — я не увижу твоих сестёр и брата. А мне бы очень хотелось познакомиться с твоими милыми родственниками. Ты будешь принцем, а позже — королём, это решено. Но тебе нужны придворные, люди благородной крови. Я сделаю твоего брата герцогом, а сестёр — герцогинями.

— Ну, в них-то нет ничего особенного, — проворчал Эдмунд, — и, во всяком случае, мне ничего не стоит привести их сюда в любой другой день.

— Да, но, попав в мой замок, — сказала Колдунья, — ты можешь про них забыть. Тебе там так понравится, что ты не захочешь уходить ради того, чтобы привести их. Нет, сейчас ты должен вернуться к себе в страну и прийти ко мне в другой раз вместе с ними, понимаешь? Приходить одному нет толку.

— Но я не знаю дороги домой, — заскулил Эдмунд.

— Её нетрудно найти, — сказала Колдунья. — Видишь фонарный столб? — Она протянула волшебную палочку, и Эдмунд увидел тот самый фонарь, под которым Люси повстречалась с фавном. — Прямо за ним лежит путь в Страну Людей. А теперь посмотри сюда. — Она указала в противоположную сторону. — Видишь два холма

за деревьями?

— Вижу, — сказал Эдмунд.

— Мой замок стоит как раз между этими холмами. Когда ты придёшь сюда в следующий раз, подойди к фонарю и поищи оттуда эти два холма, а потом иди по лесу, пока не дойдёшь до моего замка. Но помни: ты должен привести всех остальных. Если ты явишься один, я могу сильно рассердиться.

— Постараюсь, — сказал Эдмунд.

— Да, между прочим, — добавила Колдунья, — лучше не рассказывай им обо мне. Пусть это останется нашей тайной, так будет куда интереснее, правда? Устроим им сюрприз. Просто приведи к двум холмам… Такой умный мальчик, как ты, придумает способ, как это сделать. А когда вы подойдёте к моему замку, скажи: «Давайте посмотрим, кто тут живёт», — или что-нибудь другое в этом же роде. Я уверена, что так будет лучше всего. Если твоя сестра повстречалась здесь с фавном, она, возможно, наслушалась обо мне всяких небылиц… и побоится прийти ко мне в гости. Фавны способны наговорить что угодно. Ну а теперь…

— Простите меня, — прервал её вдруг Эдмунд, — но нельзя ли получить ещё один-единственный

кусочек рахат-лукума на дорогу?

— Нет, — со смехом ответила королева, — придётся тебе подождать до следующего раза. — И она дала гному сигнал трогаться с места.

Когда сани были уже далеко, королева помахала Эдмунду рукой и закричала:

— В следующий раз! В следующий раз! Не забудь! Скорей возвращайся!

Эдмунд все ещё стоял, уставившись на то место, где скрылись сани, когда услышал, что кто-то зовёт его по имени. Оглянувшись, он увидел, что с противоположной стороны из лесу к нему спешит Люси.

— Ах, Эдмунд! — вскричала она. — Значит, ты тоже сюда попал. Ну не удивительно ли? Теперь…

— Да-да, — прервал её Эдмунд. — Я вижу теперь, что ты была права и шкаф на самом деле волшебный. Могу извиниться перед тобой, если хочешь. Но где, скажи на милость, ты была всё это время? Я тебя повсюду искал.

— Если бы я знала, что ты тоже здесь, я бы тебя подождала, — сказала Люси. Она была так рада и возбуждена, что не заметила, какое красное и страшное лицо у Эдмунда, как грубо он говорит. — Я завтракала с мистером Тумнусом,

фавном. У него всё в порядке, Белая Колдунья ничего не сделала ему за то, что он меня отпустил. Он думает, что она ничего об этом не знает и в конце концов всё обойдется благополучно.

— Белая Колдунья? — повторил Эдмунд. — Кто это?

— О, совершенно ужасная особа, — сказала Люси. — Она называет себя королевой Нарнии, хотя у неё нет на это никаких прав. И все фавны, и дриады, и наяды, и гномы, и животные — во всяком случае, все хорошие животные — прямо ненавидят её. Она может обратить кого хочешь в камень и делает другие страшные вещи. И она так заколдовала Нарнию, что здесь всегда зима… всегда зима, а Рождества и весны всё нет и нет. Она ездит по лесу в санях, запряжённых белыми оленями, с волшебной палочкой в руках и с короной на голове.

Эдмунду и так уже было не по себе оттого, что он съел слишком много сладкого, а когда он узнал, что дама, с которой он подружился, — страшная Колдунья, ему стало ещё больше не по себе. Но по-прежнему больше всего на свете ему хотелось рахат-лукума.

— Кто рассказал тебе всю эту ерунду о Белой Колдунье? — спросил он.

— Мистер Тумнус, фавн, — ответила Люси.

— Фавнам никогда нельзя верить, — отрезал Эдмунд с таким видом, словно он был куда ближе знаком с фавнами, чем Люси.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась Люси.

— Это всем известно, — ответил Эдмунд. — Спроси кого хочешь… Но что толку стоять здесь в снегу. Пошли домой.

— Пошли, — откликнулась Люси. — Ах, Эдмунд, я так рада, что ты сюда попал. Теперь-то Питер и Сьюзен поверят, что Нарния есть на самом деле, раз мы оба побывали тут. Вот будет весело!

Эдмунд подумал про себя, что ему будет далеко не так весело, как ей. Ему придётся признаться перед всеми, что Люси была права, к тому же он не сомневался в том, что брат и сестра примут сторону фавнов и зверей, а он сам был на стороне Колдуньи. Он не представлял, что он скажет и как он сможет сохранить свою тайну, если все трое начнут толковать о Нарнии.

Тем временем они прошли порядочное расстояние. Внезапно они почувствовали, что вокруг них не колючие ветви елей, а мягкие шубы, и через минуту уже стояли в пустой комнате перед шкафом.

— Послушай, Эд, — сказала Люси. — Как ты себя чувствуешь? У тебя ужасный вид.

— У меня всё в порядке, — сказал Эдмунд, но это было неправдой — его сильно мутило.

— Тогда идем поищем остальных. У нас есть что им порассказать! А какие удивительные нас ждут приключения, раз теперь все мы будем участвовать в них!

Глава пятая
Опять по ту сторону дверцы

Остальные ребята всё ещё играли в прятки, так что Эдмунд и Люси не так скоро их нашли. Когда они наконец собрались все вместе в длинной комнате, где стояли рыцарские доспехи, Люси выпалила:

— Питер! Сьюзен! Это взаправдашняя страна! Я не выдумываю, Эдмунд тоже её видел. Через платяной шкаф на самом деле можно туда попасть.

Мы оба там были. Мы встретились в лесу. Ну же, Эдмунд, расскажи им всё!

— О чём речь, Эд? — спросил Питер.

Мы подошли с вами сейчас к одному из самых позорных эпизодов во всей этой истории. Эдмунда ужасно тошнило, он дулся и был сердит на Люси за то, что она оказалась права, но он всё ещё не знал, как ему поступить. И вот, когда Питер вдруг обратился к нему с вопросом, он неожиданно решил сделать самую подлую и низкую вещь, какую мог придумать. Он решил предать Люси.

— Расскажи нам, Эд, — попросила Сьюзен.

Эдмунд небрежно обвел их взглядом, словно был куда старше Люси, — а на самом деле разница между ними была всего в один год, — усмехнулся и сказал:

— А!.. Мы с ней играли… в её страну. Будто её страна в платяном шкафу существует на самом деле. Просто для смеха, конечно. Понятно, там ничего нет.

Бедная Люси только раз взглянула на Эдмунда и выбежала из комнаты.

А тот с каждой минутой делался всё хуже и хуже. Чтобы окончательно унизить сестру, он добавил:

— Ну вот, опять за своё. Что с ней такое? Морока

с этими малышками! Вечно они…

— Слушай, ты!.. — обрушился на него Питер. — Чья бы корова мычала… С тех пор как Лу начала болтать все эти глупости насчёт платяного шкафа, ты ведёшь себя по-свински, а теперь ещё принялся играть с ней в эту страну и снова её завел. Я уверен, ты сделал это из чистой зловредности.

— Но ведь это чепуха, — сказал, опешив, Эдмунд.

— Конечно, чепуха, — ответил Питер. — В том-то и дело. Когда мы уезжали из дому, Лу была девочка как девочка, но с тех пор как мы приехали сюда, она то ли сходит помаленьку с ума, то ли превращается в самую отъявленную лгунью. Но ни в том ни в другом случае ей не пойдёт на пользу, если сегодня ты смеёшься и дразнишь её, а завтра поддерживаешь её выдумки.

— Я думал… я думал… — пробормотал Эдмунд, но так и не нашёл, что бы ему сказать.

— Ничего ты не думал, — сказал Питер, — просто любишь вредничать. Ты всегда ведёшь себя по-свински с теми, кто младше тебя, — мы уже видели это в школе.

— Пожалуйста, перестаньте, — сказала Сьюзен, — если вы переругаетесь, это ничему не

поможет. Давайте пойдём поищем Люси.

Когда они наконец нашли Люси, они увидели, что всё это время она проплакала. И неудивительно. Но что бы они ни говорили ей, она не слушала. Она стояла на своём.

— Мне всё равно, что вы думаете, и мне всё равно, что вы говорите, — твердила она. — Можете рассказать обо всём профессору или написать маме. Делайте что хотите. Я знаю, что встретила там фавна, и… лучше бы я там осталась навсегда, а вы все противные, противные…

Грустный это был вечер, Люси чувствовала себя несчастной-пренесчастной, а до Эдмунда постепенно дошло, что его поступок привел совсем не к тем результатам, которых он ожидал. Двое старших ребят начали всерьёз беспокоиться, не сошла ли Люси с ума. Они ещё долго перешёптывались об этом в коридоре, после того как младшие легли спать.

На следующее утро они наконец решили пойти и рассказать всё профессору.

— Он напишет отцу, если с Лу действительно что-то серьёзное, — сказал Питер. — Нам одним тут не справиться.

И вот старшие брат и сестра пошли и постучали в дверь кабинета; профессор ответил: «Войдите!» — и поднялся с места, и принес им стулья, и сказал, что полностью в их распоряжении! А потом

он сидел, сцепив пальцы, и слушал их историю с начала и до конца, не прервав её ни единым словом. Да и после того как они кончили, он ещё долгое время сидел молча. Затем откашлялся и сказал то, что они меньше всего ожидали услышать:

— Откуда вы знаете, — спросил он, — что ваша сестра всё это выдумала?

— О, но ведь… — начала Сьюзен и остановилась. По лицу старого профессора было видно, что он спрашивает совершенно серьёзно. Сьюзен взяла себя в руки и продолжала: — Но Эдмунд говорит, что они просто играли.

— Да, — согласился профессор, — это надо принять во внимание, бесспорно надо. Но — вы не обидитесь на мой вопрос? — на кого, по-вашему, больше можно положиться — на сестру или на брата? Кто из них правдивей?

— В том-то и дело, профессор, — ответил Питер. — До сих пор я бы, не задумываясь, ответил: Люси.

— А по-твоему, кто, моя дорогая? — спросил профессор, оборачиваясь к Сьюзен.

— Ну, вообще, я согласна с Питером, но не может же быть всё это правдой… про лес и про фавна…

— Не знаю, не знаю, — сказал профессор, — но

обвинять во лжи того, кто никогда вам не лгал, — не шутка, отнюдь не шутка.

— Мы боимся, что дело ещё хуже, — сказала Сьюзен, — мы думаем, что у Люси не всё в порядке…

— Вы полагаете, что она сошла с ума? — невозмутимо спросил профессор. — Ну на этот счёт вы можете быть совершенно спокойны. Достаточно поглядеть на неё и побеседовать с ней, чтобы увидеть, что она в своём уме.

— Но тогда… — начала Сьюзен и остановилась. Чтобы взрослый человек говорил то, что они услышали от профессора! Она даже представить себе этого не могла и теперь не знала, что и подумать.

— Логика! — сказал профессор не столько им, как самому себе. Почему их не учат логически мыслить в этих их школах? — Существует только три возможности: или ваша сестра лжёт, или она сошла с ума, или она говорит правду. Вы знаете, что она никогда не лжёт, и всякому видно, что она не сумасшедшая. Значит, пока у нас не появятся какие-либо новые факты, мы должны признать, что она говорит правду.

Сьюзен глядела на профессора во все глаза, однако, судя по выражению лица, тот вовсе не

шутил.

— Но как это может быть правдой, сэр? — сказал Питер.

— Что тебя смущает? — спросил профессор.

— Ну, во-первых, — сказал Питер, — если эта страна существует на самом деле, почему в неё не попадают все, кто подходит к платяному шкафу? Я хочу сказать: в шкафу не было ничего, кроме шуб, когда мы туда заглянули; даже Люси не спорила с тем, что там ничего нет.

— Ну и что с того? — спросил профессор.

— Да как же, сэр, если что-нибудь существует на самом деле, то оно есть всегда.

— Всегда ли? — спросил профессор, и Питер не нашелся, что ему ответить.

— Ну а время? — сказала Сьюзен. — У Люси просто не было времени где-нибудь побывать, даже если такая страна существует. Она выбежала из комнаты почти следом за нами. Не пробыла там и минуты, а говорит, что прошло много часов.

— Вот это-то и подтверждает правдивость её рассказа, — сказал профессор. — Если в доме действительно есть дверь, ведущая в другой, неведомый нам мир (а я должен вас предупредить, что это очень странный дом, и даже я не всё о нем знаю), если, повторяю, Люси попала

в другой мир, нет ничего удивительного — во всяком случае, для меня, — что в том мире своё измерение времени; и каким бы долгим вам ни показалось время, которое вы там пробыли, на это может уйти всего несколько секунд *нашего* времени. С другой стороны, вряд ли девочка её лет знает о таких явлениях физики. Если бы она притворялась, она бы просидела в шкафу куда дольше, прежде чем вылезти оттуда и рассказать вам свою историю.

— Но неужели вы и вправду считаете, сэр, — сказал Питер, — что существуют другие миры… тут, рядом, в двух шагах от нас?

— В этом нет ничего невероятного, — сказал профессор, снимая очки и принимаясь их протирать. «Интересно, чему же всё-таки их учат теперь в школах», — пробормотал он про себя. — У меня есть предложение, — сказал профессор, неожиданно бросая на них весьма проницательный взгляд, — которое никому пока ещё не пришло в голову, а было бы неплохо его осуществить.

— Какое? — спросила Сьюзен.

— Заниматься своими собственными делами и не совать нос в чужие, — сказал профессор. И на этом разговор был окончен.

Теперь жизнь Люси стала куда легче. Питер

следил за тем, чтобы Эдмунд её не дразнил, и ни у неё, ни у остальных ребят не было никакой охоты разговарить про платяной шкаф — это стало довольно неприятной темой. Казалось, все приключения пришли к концу. Однако это было не так.

Дом профессора — о котором даже он знал так мало — был старинный и знаменитый, и со всех концов Англии туда приезжали люди и просили разрешения его посмотреть. О таких домах пишут в путеводителях и даже в учебниках истории, и на то есть основания, потому что о доме рассказывали всевозможные легенды — некоторые из них ещё более странные, чем та история, о которой я сейчас рассказываю вам. Когда приходили группы туристов и просили показать им дом, профессор всегда пускал их, и миссис Макриди, экономка, водила их по всем комнатам и рассказывала о картинах, рыцарских доспехах и редких книгах в библиотеке. Миссис Макриди вообще не очень-то жаловала ребят и не любила, чтобы её прерывали в то время, как она водит посетителей по дому. Чуть ли не в первое утро по их приезде она предупредила об этом Питера и Сьюзен: «Помните, пожалуйста, что вы не должны попадаться мне на глаза, когда я показываю дом».

— Была охота тратить полдня, таскаясь по дому с кучей взрослых, — сказал Эдмунд, и остальные трое мысленно с ним согласились. Вот из-за этого-то предупреждения миссис Макриди приключения их начались снова.

Как-то раз утром, через несколько дней после разговора с профессором, Питер и Эдмунд рассматривали рыцарские доспехи, задаваясь одним и тем же вопросом: сумели бы они разобрать доспехи на части, как в комнату ворвались Сьюзен и Люси и закричали:

— Прячьтесь, сюда идёт Макриди с целой толпой туристов!

— Скорей! — сказал Питер, и все четверо бросились к дальней стене. Но когда, пробежав через Зелёную комнату, они оказались в библиотеке, они услышали впереди голоса и поняли, что миссис Макриди ведёт туристов по чёрной лестнице, а не по парадной, как они ожидали. А затем — то ли потому, что они растерялись, то ли потому, что миссис Макриди решила их поймать, то ли потому, что начали действовать волшебные чары Нарнии, — куда бы они ни кинулись, посетители, казалось, следовали за ними по пятам. Наконец Сьюзен сказала:

— А ну их, этих туристов. Давайте спрячемся в

комнате с платяным шкафом, пока они не пройдут. В неё-то уж никто не полезет.

Но не успели ребята туда войти, как в коридоре послышались голоса… кто-то стал нащупывать ручку двери, и вот на их глазах ручка повернулась.

— Живей! — крикнул Питер. — Больше деваться некуда! — И распахнул дверцу шкафа. Все четверо втиснулись внутрь и затаились в темноте, едва переводя дух. Питер прикрыл дверцу, но не защелкнул её; как всякий разумный человек он, понятно, помнил, что ни в коем случае не следует запирать самого себя в шкафу.

Глава шестая
В лесу

— Хоть бы Макриди поскорей увела всю эту публику, — прошептала Сьюзен. — Мне ногу свело.

— А как воняет нафталином! — сказал Эдмунд.

— Наверное, в шубах — полные карманы шариков, чтобы моль не съела, — сказала Сьюзен.

— Что это колет меня в спину? — спросил Питер.

— А холодно-то как! — сказала Сьюзен.

— Верно, холодно, а я и не заметил, — сказал

Питер. — И мокро, черт подери! Что тут такое? Я сижу на чём-то мокром. И с каждой минутой делается мокрей. — Он с трудом поднялся на ноги.

— Давайте вылезем, — сказал Эдмунд. — Они ушли.

— Ой-ой! — вдруг закричала Сьюзен.

— Что с тобой? Что случилось? — перепугались остальные.

— У меня за спиной дерево, — сказала Сьюзен. — И поглядите!.. Становится светло…

— Верно, — сказал Питер. — Посмотрите сюда… и сюда… да тут кругом деревья. А под нами снег. Да, если я не ошибаюсь, мы попали в лес Лу.

Теперь уже в этом не оставалось сомнений — все четверо стояли в лесу, зажмурившись от яркого дневного света. Позади них на крючках висели шубы, впереди были покрытые снегом деревья.

Питер быстро повернулся к Люси.

— Прости, что я тебе не верил. Мне очень стыдно. Мир?

— Конечно, — сказала Люси, и они пожали друг другу руки.

— А что мы теперь будем делать? — спросила Сьюзен.

— Делать? — сказал Питер. — Ясно что. Пойдём

в лес на разведку.

— Ой, — сказала Сьюзен, притопывая ногами. — И холодно же здесь. Давайте наденем эти шубы.

— Они ведь не наши, — нерешительно протянул Питер.

— Нам никто ничего не скажет, — возразила Сьюзен. — Мы же не выносим их из дому. Мы даже не выносим их из шкафа.

— Я об этом не подумал, Сью, — согласился Питер. — Конечно, если смотреть с этой точки зрения, ты права. Кто скажет, что ты стащил пальто, если ты не вынимал его из шкафа, где оно висит? А вся эта страна, видно, помещается в платяном шкафу.

Предложение Сьюзен было разумным, и они тут же его осуществили. Шубы оказались им велики и, когда ребята их надели, доходили до самых пят, так что были скорее похожи на королевские мантии, чем на шубы. Ребятам сразу стало гораздо теплее, и, глядя друг на друга, они решили, что новые наряды им к лицу и больше подходят к окружающему их ландшафту.

— Мы можем играть в исследователей Арктики, — сказала Люси.

— Здесь и без того будет интересно, — сказал Питер и двинулся первым в глубь леса. На небе

тем временем собрались тяжёлые серые тучи — похоже было, что скоро снова пойдёт снег.

— Послушайте, — вдруг сказал Эдмунд, — нам следует забрать левее, если мы хотим выйти к фонарю. — Он на секунду забыл, что ему надо притворяться, будто он здесь впервые. Не успел он вымолвить эти слова, как понял, что сам себя выдал. Все остановились как вкопанные и уставились на него. Питер присвистнул.

— Значит, ты всё-таки был здесь, — сказал он, — в тот раз, когда Лу говорила, что встретила тебя в лесу… а ещё доказывал, что она врёт!

Наступила мёртвая тишина.

— Да, такого мерзкого типа, такой свиньи… — начал было Питер, но, пожав плечами, замолчал. И правда, что тут можно было сказать?! Через минуту все четверо вновь пустились в путь. «Ничего, — подумал Эдмунд, — я вам за всё отплачу, воображалы несчастные!»

— Куда же всё-таки мы идем? — спросила Сьюзен главным образом для того, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Я думаю, Лу должна быть у нас главной. Она это заслужила. Куда ты поведёшь нас, Лу?

— Давайте навестим мистера Тумнуса, — сказала Люси. — Это тот симпатичный фавн, о котором

я вам рассказывала.

Остальные не имели ничего против, и все быстро зашагали вперёд, громко топая ногами. Люси оказалась хорошим проводником. Сперва она боялась, что не найдет дороги, но вот в одном месте узнала странное изогнутое дерево, в другом — пень, и так мало-помалу они добрались до того места, где среди холмов, в маленькой лощинке,

была пещера мистера Тумнуса, и подошли к самой его двери. Но там их ждал неприятный сюрприз.

Дверь была сорвана с петель и разломана на куски. Внутри пещеры было темно, холодно и сыро и пахло так, как пахнет в доме, где уже несколько дней никто не живёт. Повсюду лежал снег вперемешку с чем-то чёрным, что оказалось головешками и золой из камина. Видно, кто-то разбросал горящие дрова по всей пещере, а потом затоптал огонь. На полу валялись черепки посуды, портрет старого фавна был располосован ножом.

— Да, не повезло нам, — сказал Эдмунд, — что толку было приходить сюда.

— Это что такое? — сказал Питер, наклоняясь. Он только сейчас заметил листок бумаги, прибитый прямо сквозь ковер к полу.

— Там что-нибудь написано? — спросила Сьюзен.

— Да, как будто, — ответил Питер. — Но не могу ничего разобрать, здесь слишком темно. Давайте выйдем на свет.

Они вышли из пещеры и окружили Питера. Вот что он им прочитал:

«Прежний владелец этого жилища, фавн Тумнус, находится под арестом и ожидает суда по обвинению в государственной измене и нарушении верности Её Императорскому Величеству Джадис, Королеве Нарнии, Владычице Замка Кэр-Параваль, Императрице Одиноких Островов и прочих владений, а также по обвинению в том, что он давал приют шпионам, привечал врагов Её Величества и братался с Людьми.

Подписано: Могрим, Капитан Секретной полиции.
Да здравствует Королева!»

Ребята уставились друг на друга.

— Не думаю, чтобы мне так уж понравилось здесь, — сказала Сьюзен.

— Кто эта королева, Лу? — спросил Питер. — Ты знаешь что-нибудь о ней?

— Она вовсе не королева, — ответила Люси. — Она страшная Колдунья, Белая Ведьма. Все лесные жители ненавидят её. Она заколдовала страну, и теперь здесь у них всегда зима; зима, а Рождества и весны нету.

— Не знаю, стоит ли… стоит ли нам идти

дальше, — сказала Сьюзен. — Здесь не так уж безопасно, и не похоже, что нам тут будет очень весело. С каждой минутой становится холодней, и мы не захватили никакой еды. Давайте лучше вернемся.

— Но теперь мы не можем вернуться, — сказала Люси, — разве ты не понимаешь? Не можем просто так бросить его. Бедненький фавн попал в беду из-за меня. Он спрятал меня от Колдуньи и показал мне дорогу домой. Вот что значат слова: *«…давал приют шпионам и братался с Людьми»*. Мы должны попытаться спасти его.

— Много мы тут сделаем, — проворчал Эдмунд, — когда нам даже нечего есть.

— Придержи язык… ты!.. — сказал Питер. Он всё ещё был очень сердит на Эдмунда. — Ты что думаешь, Сью?

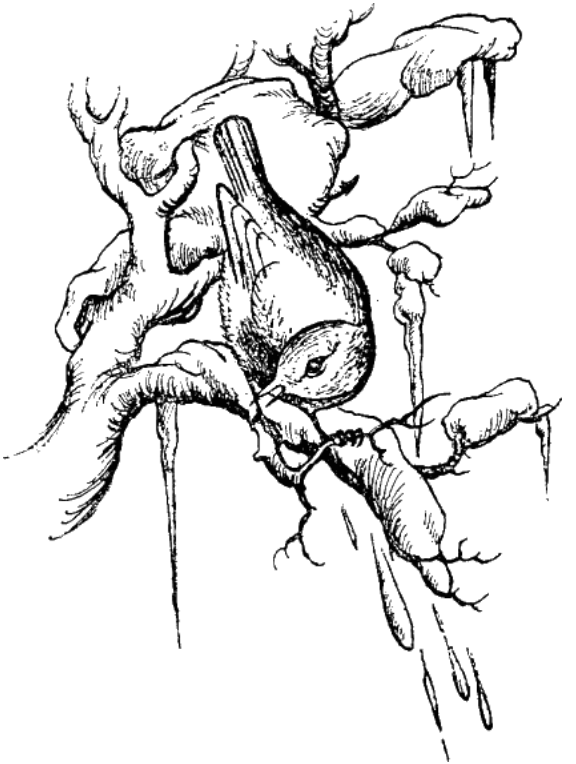
— Как это ни ужасно, я чувствую, что Лу права, — сказала Сьюзен. — Мне не хочется ступать ни шагу вперёд, и я отдала бы всё на свете, чтобы мы никогда сюда не попадали. Но я думаю, мы должны помочь мистеру… как его там зовут? Я хочу сказать — фавну.

— И у меня такое же чувство, — сказал Питер. — Меня беспокоит, что у нас нет с собой еды, и я бы предложил вернуться и взять что-нибудь из

кладовки, да только боюсь, мы не попадём опять в эту страну, если выберемся из неё. Так что придется нам идти дальше.

— Мы тоже так считаем, — сказали девочки.

— Если бы мы только знали, куда засадили беднягу! — сказал Питер.



Несколько минут все стояли молча, раздумывая, что делать дальше. Вдруг Люси шепнула:

— Поглядите! Видите малиновку с красной грудкой? Это первая птица, которую я здесь встре-

чаю. Интересно: умеют здесь птицы говорить? У неё такой вид, словно она хочет сказать нам что-то.

Люси повернулась к малиновке и спросила:

— Простите, вы не могли бы нам сообщить, куда забрали мистера Тумнуса, фавна?

С этими словами она сделала шаг к птичке. Малиновка тотчас отлетела, но не далеко, а лишь на соседнее дерево. Там она села на ветку и пристально на них поглядела, словно понимая всё, что они говорят. Сами того не замечая, ребята приблизились к ней на несколько шагов. Тогда малиновка снова перелетела на соседнее дерево и снова пристально посмотрела. Они никогда не видели малиновку с такой красной грудкой и с такими блестящими глазками.

— Знаете, — сказала Люси, — мне кажется, она хочет, чтобы мы шли за ней.

— И мне тоже, — сказала Сьюзен. — Как ты думаешь, Питер?

— Что ж, можно попробовать, — ответил Питер.

Похоже было, что малиновка всё поняла. Она перелетала с дерева на дерево в нескольких шагах впереди, однако достаточно близко, чтобы ребята могли следовать за ней. Так она вела их

всё дальше и дальше. Когда малиновка садилась на ветку, с ветки на землю сыпались снежинки. Вскоре тучи у них над головой расступились и показалось зимнее солнце; снег стал таким белым, что резал глаза. Так они шли около получаса — впереди девочки, за ними братья. И тут Эдмунд обернулся к Питеру:

— Если ты сможешь снизойти до того, чтобы выслушать меня, я тебе кое-что скажу.

— Говори, — откликнулся Питер.

— Ш-ш, не так громко, — прошептал Эдмунд, — незачем пугать девчонок. Ты понимаешь, что мы делаем?

— Что? — тоже шёпотом сказал Питер.

— Идём за поводырем, о котором нам ничего не известно. Откуда мы знаем, на чьей стороне эта птица? Может, она ведет нас в западню.

— Скверное дело, если так. Но всё же… малиновка… Во всех книжках, которые я читал, они — добрые птицы. Я уверен, что малиновка на нашей стороне.

— Ну, уж если об этом зашла речь, *которая* наша сторона? Почему ты думаешь, что фавн на той стороне, что надо, а королева — нет? Да-да, нам сказали, что королева — Колдунья. Но ведь могли и соврать, мы ничего ни о ком не знаем.

— Ну, фавн спас Лу.

— Он *сказал*, что спас. Но нам это откуда известно? Ты представляешь себе, как отсюда добраться домой?

— Фу ты! — воскликнул Питер. — Об этом я не подумал.

— А обедом даже не пахнет, — вздохнул Эдмунд.

Глава седьмая
День с бобрами

Внезапно идущие впереди девочки вскрикнули в один голос: «Ой!» — и остановились. Мальчики перестали шептаться.

— Малиновка! — воскликнула Люси. — Малиновка улетела.

Так оно и было: малиновка исчезла из виду.

— Теперь что делать? — спросил Эдмунд и кинул на Питера взгляд, в котором можно было ясно прочитать: «Что я тебе говорил?»

— Ш-ш… Смотрите, — шепнула Сьюзен.

— Что это такое? — спросил Питер.

— Там, за деревьями, что-то шевелится… вон там, слева…

Ребята во все глаза глядели на деревья. Им было не по себе.

— Снова зашевелилось, — сказала через минуту Сьюзен.

— Теперь и я видел, — подтвердил Питер. — Оно и сейчас там. Оно зашло вон за то большое дерево.

— Что это? — спросила Люси, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

— Чем бы оно ни было, — прошептал Питер, — оно от нас прячется. Оно не хочет, чтобы мы заметили его.

— Давайте вернёмся домой, — сказала Сьюзен.

И тут, хотя никто не высказал этого вслух, девочки вдруг осознали то, о чем Эдмунд прошептал Питеру в конце предыдущей главы. Они заблудились.

— На что оно похоже? — спросила Люси.

— Это… это какой-то зверь, — сказала Сьюзен. —

Глядите! Глядите! Скорее! Вот оно.

И тут все увидели покрытую густым коротким мехом усатую мордочку, выглядывающую из-за дерева. На этот раз она спряталась не сразу. Напротив, зверёк приложил лапу ко рту, в точности как человек, когда тот хочет сказать: «Тише». Затем снова скрылся. Ребята затаили дыхание.

Через минуту незнакомец вышел из-за дерева, огляделся вокруг, как будто боялся, что за ним могут следить, шепнул: «Ш-ш…» — и поманил их в чащобу, где он стоял, затем опять исчез.

— Я знаю, кто это, — прошептал Питер. — Я видел его хвост. Это бобр.

— Он хочет, чтобы мы к нему подошли, — сказала Сьюзен, — и предупреждает, чтобы мы не

шумели.

— Да, верно, — сказал Питер. — Вопрос в том, идти нам или нет. Ты как думаешь, Лу?

— Мне кажется, это симпатичный бобр.

— Возможно, да, а возможно, нет. Мы этого не знаем, — усомнился Эдмунд.

— Давайте всё-таки рискнем, — сказала Сьюзен. — Что толку стоять здесь… и очень есть хочется.

В этот момент бобр снова выглянул из-за дерева и настойчиво поманил их к себе.

— Пошли, — сказал Питер. — Посмотрим, что из этого выйдет. Не отходите друг от друга. Неужели мы не справимся с одним бобром, если окажется, что это враг.

И вот ребята двинулись тесной кучкой к дереву и зашли за него, и там, как они и предполагали, ждал бобр; увидев их, он тут же пошел в глубь чащи, сказав хриплым, гортанным голосом:

— Дальше, дальше. Вот сюда. Нам опасно оставаться на открытом месте.

И только когда он завёл ребят в самую чащобу, туда, где четыре сосны росли так близко, что ветви их переплелись, а у подножия земля была усыпана хвоей, так как туда не мог проникнуть даже снег, бобр, наконец, заговорил:

— Вы — сыновья Адама и дочери Евы? — спросил он.

— Да, четверо из них, — сказал Питер.

— Ш-ш-ш, — прошептал бобр, — не так громко, пожалуйста. Даже здесь нам грозит опасность.

— Опасность? Чего вы боитесь? — спросил Питер. — Здесь нет никого, кроме нас.

— Здесь есть деревья, — сказал бобр. — Они всегда всё слышат. Большинство из них на нашей стороне, но есть и такие деревья, которые способны предать нас *ей* — вы знаете, кого я имею в виду. — И он несколько раз покачал головой.

— Если уж разговор зашёл о том, кто на какой стороне, — сказал Эдмунд, — откуда мы знаем, что вы — друг?

— Не сочтите это за грубость, мистер Бобр, — добавил Питер, — но вы сами понимаете, мы здесь люди новые.

— Вполне справедливо, вполне справедливо, — сказал бобр. — Вот мой опознавательный знак.

С этими словами он протянул им небольшой белый лоскут. Ребята взглянули на него с изумлением, но тут Люси воскликнула:

— Ах, ну конечно же! Это мой носовой платок. Тот, который я оставила бедненькому мистеру Тумнусу.

— Совершенно верно, — подтвердил бобр. — Бедняга! До него дошли слухи о том, что ему грозит арест, и он передал этот платок мне. Он сказал, что, если с ним случится беда, я должен встретить вас… и отвести… — Здесь бобр замолк и только несколько раз кивнул с самым таинственным видом. Затем, поманив ребят ещё ближе, так, что его усы буквально касались их лиц, он добавил еле слышным шёпотом: — Говорят, Аслан на пути к нам. Возможно, он уже высадился на берег.

И тут случилась странная вещь. Ребята столько же знали об Аслане, сколько вы, но как только бобр произнес эту фразу, каждого из них охватило особенное чувство. Быть может, с вами было такое во сне: кто-то произносит слова, которые вам непонятны, но вы чувствуете, что в словах заключён огромный смысл; иной раз они кажутся страшными, и сон превращается в кошмар, иной — невыразимо прекрасными, настолько прекрасными, что вы помните этот сон всю жизнь и мечтаете вновь когда-нибудь увидеть его. Вот так произошло и сейчас. При имени Аслана каждый из ребят почувствовал, как у него что-то дрогнуло внутри. Эдмунда охватил необъяснимый страх. Питер ощутил в себе необычайную смелость и

готовность встретить любую опасность. Сьюзен почудилось, что в воздухе разлилось благоухание и раздалась чудесная музыка. А у Люси возникло такое чувство, какое бывает, когда просыпаешься утром и вспоминаешь, что сегодня — первый день каникул.

— Но что с мистером Тумнусом? — спросила Люси. — Где он?

— Ш-ш-ш, — сказал бобр. — Погодите. Я должен отвести вас туда, где мы можем спокойно поговорить и… пообедать.

Теперь уже все, исключая Эдмунда, испытывали к бобру полное доверие, и все, включая Эдмунда, были рады услышать слово «обед». Поэтому ребята поспешили за новым другом, который вёл их по самым густым зарослям, да так быстро, что они едва поспевали за ним. Они шли около часа, очень устали и проголодались, но вдруг деревья перед ними стали расступаться, а дорога пошла круто вниз. Через минуту они оказались под открытым небом — солнце всё ещё светило, — и перед ними раскинулось великолепное зрелище.

Они стояли на краю узкой, круто уходящей вниз лощины, по дну которой протекала — вернее, *протекла бы*, если бы ее не сковал лёд, — довольно

широкая река, а прямо под ногами реку перерезала плотина. Взглянув на неё, ребята сразу вспомнили, что бобры всегда строят плотины, и подумали, что эта плотина наверняка построена мистером Бобром. Они заметили также, что на его физиономии появилось подчеркнуто скромное выражение: такое выражение бывает на лицах людей, когда читают вам написанную ими книгу. Простая вежливость требовала, чтобы Сьюзен произнесла: «Какая прекрасная плотина!» На этот раз мистер Бобр не сказал: «Ш-ш-ш». Он сказал: «Ну что вы, что вы, это такой пустяк. К тому же работа ещё не закончена».

Выше плотины была глубокая заводь, вернее, была когда-то — сейчас, естественно, они видели ровную поверхность темно-зелёного льда. Ниже плотины, далеко внизу, тоже был лёд, но не ровный, а самых причудливых очертаний — пенный каскад, схваченный морозом в одно мгновение. Там, где раньше вода переливалась струйками через плотину или просачивалась сквозь неё, сейчас сверкала стена сосулек, словно цветы, венки и гирлянды из белоснежного сахара. Прямо посреди плотины стояла смешная хатка, похожая на шалаш, из отверстия в её крыше вился дымок. Он наводил на мысль об обеде — особенно если

вы были голодны, — и вам ещё сильнее хотелось есть.

Вот что увидели ребята. А Эдмунд углядел ещё кое-что. Немного дальше, вниз по реке, в неё впадал приток, текущий по другой небольшой лощине. Взглянув туда, Эдмунд приметил два холма и был почти уверен, что это те самые холмы, которые ему показала Белая Колдунья, когда он прощался с ней у фонарного столба. «Значит, между этими холмами, всего в полумиле отсюда, — подумал он, — стоит её замок». Он вспомнил о рахат-лукуме и о том, что он станет королем. «Интересно, как это понравится Питеру?» — подумал он. И тут в голову ему пришли ужасные мысли.

— Ну, вот и добрались, — сказал мистер Бобр. — Похоже, что миссис Бобриха уже поджидает нас. Идите за мной. Будьте осторожны, не поскользнитесь.

Верх плотины был достаточно широк, чтобы по нему идти, но удовольствие это было маленькое, ведь дорога вела по льду, и хотя замерзшая заводь, с одной стороны, была на одном уровне с плотиной, с другой — был крутой обрыв. Так вот они и шли гуськом за мистером Бобром, пока не добрались до середины плотины, откуда можно

было посмотреть далеко-далеко вверх и далеко-далеко вниз по реке. И когда они добрались до середины, они оказались у дверей бобриной хатки.

— Вот мы и дома, миссис Бобриха, — сказал мистер Бобр. — Я нашёл их. Вот они — сыновья и дочери Адама и Евы. — И ребята вошли в дверь.

Первое, что услышала Люси, — негромкое стрекотание, а первое, что увидела, — добродушную Бобриху, которая сидела, прикусив зубами нитку, и шила что-то на швейной машине. От этой-то машины и шёл стрёкот. Как только ребята вошли в комнату, Бобриха перестала шить и поднялась с места.

— Наконец-то вы появились! — воскликнула она, протягивая им морщинистые старые лапы. — Наконец-то! Подумать только, что я дожила до этого дня! Картошка кипит, чайник уже запел свою песню и... мистер Бобр, будьте так добры, достаньте-ка нам рыбки.

— С удовольствием, — сказал мистер Бобр и, взяв ведро, вышел из хатки, Питер за ним. Они направились по ледяному покрову заводи к небольшой полынье, которую мистер Бобр каждый день заново разбивал топориком. Мистер Бобр уселся у края полыньи — холод был ему,

видно, нипочём — и уставился на воду. Внезапно он опустил лапу, и Питер ахнуть не успел, как тот вытащил превосходную форель. Затем ещё и ещё, пока у них не набралось полное ведро рыбы.

Тем временем девочки помогали миссис Бобрихе: они налили дополна чайник, накрыли на стол, нарезали хлеб, поставили тарелки в духовку, чтобы они согрелись, нацедили огромную кружку пива для мистера Бобра из бочки, стоявшей у стены, поставили на огонь сковороду и растопили сало. Люси подумала, что у бобров очень уютный домик, хотя он совсем не похож на пещерку мистера Тумнуса. В комнате не было ни книг, ни картин. Вместо кроватей — встроенные в стену койки, как на корабле. С потолка свисали окорока и вязки лука, вдоль стен выстроились резиновые сапоги, висели на крючках клеёнчатые плащи, лежали топоры, лопаты, мастерок, стояли удочки и корыто для раствора извести, валялись сети и мешки. И скатерть на столе, хотя и безукоризненно чистая, была из грубого полотна.

В тот самый момент, как сало на сковородке начало весело скворчать, в комнату вошли Питер и мистер Бобр с уже выпотрошенной и почищенной рыбой. Можете представить, как вкусно пахла, жарясь, только что выловленная форель и как текли слюнки у голодных ребят, которые от всех этих приготовлений почувствовали себя ещё голоднее. Но вот наконец мистер Бобр сказал: «Сейчас будет готово». Сьюзен слила картошку

и поставила кастрюлю на край плиты, чтобы её посушить, а Люси помогла миссис Бобрихе подать рыбу на стол. Через минуту все придвинули табуретки к столу — в комнате, кроме личной качалки миссис Бобрихи, были только трёхногие табуретки — и приготовились наслаждаться едой. Посредине стола стоял кувшин с густым молоком для ребят — мистер Бобр остался верен пиву — и лежал огромный кусок желтого сливочного масла — бери его к картофелю сколько угодно. А что на свете может быть вкуснее, думали ребята — и я вполне с ними согласен, — речной рыбы, если всего полчаса назад она была выловлена и только минуту назад сошла со сковороды. Когда они покончили с рыбой, миссис Бобриха — вот сюрприз так сюрприз! — вынула из духовки огромный, пышущий жаром рулет с повидлом и тут же подвинула к огню чайник, так что когда они покончили с рулетом, можно было разливать чай. Получив свою чашку, каждый отодвинул от стола табурет, чтобы прислониться спиной к стене и испустить глубокий вздох удовлетворения.

— А теперь, — сказал мистер Бобр, поставив на стол пустую кружку из-под пива и придвигая к себе чашку с чаем, — если вы подождёте, пока я зажгу трубку и дам ей как следует разгореть-

ся… Что ж, теперь можно приступить к делам. Опять пошёл снег, — сказал он, скосив глаза на окно. — Тем лучше, не будет нежданных гостей, а если кто-нибудь хотел нас поймать, он не найдёт теперь наших следов.

Глава восьмая
Что было после обеда

— Теперь, — повторила за ним Люси, — пожалуйста, будьте так добры, расскажите нам, что случилось с мистером Тумнусом.

— Ах, — вздохнул мистер Бобр и покачал головой. — Очень печальная история. Его забрала полиция, тут нет никаких сомнений. Мне сообщила об этом птица, при которой это произошло.

— Забрали? Куда? — спросила Люси.

— Они направлялись на север, когда их видели в последний раз, а мы все знаем, что это значит.

— Вы — знаете, но мы — нет, — возразила

Сьюзен.

Мистер Бобр снова мрачно покачал головой.

— Боюсь, это значит, что его увели в *её* Замок, — сказал он.

— А что с ним там сделают? — взволнованно спросила Люси.

— Ну, — сказал мистер Бобр, — нельзя сказать наверняка… Но из тех, кого туда увели, мало кого видели снова. Статуи. Говорят, там полно статуй — во дворе, на парадной лестнице, в зале. Живые существа, которых она обратила… (он приостановился и вздрогнул)…обратила в камень.

— Ах, мистер Бобр! — воскликнула Люси. — Не можем ли мы… я хочу сказать, мы обязательно должны спасти мистера Тумнуса. Это так ужасно… и всё из-за меня.

— Не сомневаюсь, что ты спасла бы его, милочка, если бы могла, — сказала миссис Бобриха, — но попасть в Замок вопреки *её* воле и выйти оттуда целым и невредимым!.. На это нечего и надеяться.

— А если придумать какую-нибудь хитрость? — спросил Питер. — Я хочу сказать, переодеться в кого-нибудь, притвориться, что мы, ну… бродячие торговцы или ещё кто-нибудь… или спрятаться и подождать, пока она куда-нибудь уйдёт… или…

или, ну должен же быть какой-то выход! Этот фавн спас нашу сестру с риском для собственной жизни, мистер Бобр. Мы просто не можем покинуть его, чтобы он… чтобы она сделала это с ним.

— Бесполезно, сын Адама, — сказал мистер Бобр, — даже и пытаться не стоит, особенно вам четверым. Но теперь, когда Аслан уже в пути…

— О да! Расскажите нам об Аслане! — раздалось сразу несколько голосов, и снова ребят охватило то же странное чувство — словно в воздухе запахло весной, словно их ждала нечаянная радость.

— Кто такой Аслан? — спросила Сьюзен.

— Аслан? — повторил мистер Бобр. — Разве вы не знаете? Властитель леса. Но он нечасто бывает в Нарнии. Не появлялся ни при мне, ни при моём отце. К нам пришла весточка, что он вернулся. Сейчас он здесь. Он разделается с Белой Колдуньей. Он, и никто другой, спасёт мистера Тумнуса.

— А его она не обратит в камень? — спросил Эдмунд.

— Наивный вопрос! — воскликнул мистер Бобр и громко расхохотался. — Его обратить в камень! Хорошо, если она не свалится от страха и сможет выдержать его взгляд. Большего от неё и ждать

нельзя. Я, во всяком случае, не жду. Аслан здесь наведёт порядок; как говорится в старинном предсказании:

Справедливость возродится —
стоит Аслану явиться.
Он издаст рычание —
победит отчаяние.
Он оскалит зубы —
зима пойдёт на убыль.
Гривой он тряхнёт —
нам весну вернёт.

Вы сами всё поймёте, когда его увидите.

— А мы увидим его? — спросила Сьюзен.

— А для чего же я вас всех сюда привёл? Мне велено отвести вас туда, где вы должны с ним встретиться, — сказал мистер Бобр.

— А он… он — человек? — спросила Люси.

— Аслан — человек?! — сердито вскричал мистер Бобр. — Конечно, нет. Я же говорю вам: он — Лесной Царь. Разве вы не знаете, кто царь зверей? Аслан — Лев… Лев с большой буквы, Великий Лев.

— О-о-о, — протянула Сьюзен. — Я думала, он — человек. А он… не опасен? Мне… мне страшно

встретиться со львом.

— Конечно, страшно, милочка, как же иначе, — сказала миссис Бобриха. — Тот, у кого при виде Аслана не дрожат поджилки, или храбрее всех на свете, или просто глуп.

— Значит, он опасен? — сказала Люси.

— Опасен? — повторил мистер Бобр. — Разве ты не слышала, что сказала миссис Бобриха? Кто говорит о безопасности? Конечно же, он опасен. Но он добрый, он — царь зверей, я же тебе сказал.

— Я очень, очень хочу его увидеть! — воскликнул Питер. — Даже если у меня при этом душа уйдет в пятки.

— Правильно, сын Адама и Евы, — сказал мистер Бобр и так сильно стукнул лапой по столу, что зазвенели все блюдца и чашки. — И ты его увидишь. Мне прислали весточку, что вам четверым *назначено* встретить его завтра у Каменного Стола.

— Где это? — спросила Люси.

— Я вам покажу, — сказал мистер Бобр. — Вниз по реке, довольно далеко отсюда. Я вас туда отведу.

— А что же будет с бедненьким мистером Тумнусом? — сказала Люси.

— Самый верный способ ему помочь — встре-

титься поскорее с Асланом, — сказал мистер Бобр. — Как только он будет с нами, мы начнём действовать. Но и без вас тоже не обойтись. Потому что существует ещё одно предсказание:

Когда начнёт людское племя
В Кэр-Паравале править всеми,
Счастливое наступит время.

Так что теперь, когда вы здесь и Аслан здесь, дело, видно, подходит к концу. Рассказывают, что Аслан и раньше бывал в наших краях… давным-давно, в незапамятные времена. Но дети Адама и Евы никогда еще не бывали здесь.

— Вот этого я и не понимаю, мистер Бобр, — сказал Питер. — Разве сама Великая Колдунья не человек?

— Она хотела бы, чтобы мы в это верили, — сказал мистер Бобр, — и именно поэтому она претендует на королевский престол. Но она не дочь Адама и Евы. Она произошла от вашего праотца Адама (здесь мистер Бобр поклонился) и его первой жены Лилит. А Лилит была джиншей. Вот какие у неё предки, с одной стороны. А с другой — она происходит от великанов. Нет, в Колдунье мало настоящей человеческой крови.

— Потому-то она такая злая, мистер Бобр, —

сказала миссис Бобриха, — от кончиков волос до кончиков ногтей.

— Истинная правда, миссис Бобриха, — отвечал он. — Насчёт людей может быть два мнения — не в обиду будь сказано всем присутствующим, — но насчёт тех, кто по виду человек, а на самом деле нет, двух мнений быть не может…

— Я знавала хороших гномов, — сказала миссис Бобриха.

— Я тоже, если уж о том зашла речь, — отозвался её муж, — но только немногих, и как раз из тех, кто был меньше всего похож на людей. А вообще, послушайтесь моего совета: если вы встретите кого-нибудь, кто собирается стать человеком, но еще им не стал, или был человеком раньше, но перестал им быть, или должен был бы быть человеком, но не человек, — не спускайте с него глаз и держите под рукой боевой топорик. Вот потому-то, что Колдунья получеловек, она всё время настороже: как бы в Нарнии не появились настоящие люди. Она поджидала вас все эти годы. А если бы ей стало известно, что вас четверо, вы оказались бы ещё в большей опасности.

— А при чем тут — сколько нас? — спросил Питер.

— Об этом говорится в третьем предсказа-

нии, — сказал мистер Бобр. — Там, в Кэр-Паравале — это замок на берегу моря у самого устья реки, который был бы столицей Нарнии, если бы всё шло так, как надо, — там, в Кэр-Паравале, стоят четыре трона, а у нас с незапамятных времён существует поверье, что когда на эти троны сядут две дочери и два сына Адама и Евы, наступит конец не только царствованию Белой Колдуньи, но и самой её жизни. Потому-то нам пришлось с такой оглядкой пробираться сюда; если бы она узнала, что вас четверо, я бы не отдал за вашу жизнь одного волоска моих усов.

Ребята были так поглощены рассказом мистера Бобра, что не замечали ничего вокруг. Когда он кончил, все погрузились в молчание. Вдруг Люси воскликнула:

— Послушайте… где Эдмунд?

Они с ужасом поглядели друг на друга, и тут же посыпались вопросы:

— Кто видел его последним?

— Когда он исчез?

— Он, наверное, вышел?

Ребята кинулись к дверям и выглянули наружу. Все это время не переставая валил густой снег, и ледяная запруда покрылась толстым белым одеялом. С того места посредине плотины, где

стояла хатка бобров, не было видно ни правого, ни левого берега. Все трое выскочили в дверь, ноги их по щиколотку погрузились в мягкий, нетронутый снег. Ребята бегали вокруг хатки, крича: «Эдмунд! Эдмунд!» — пока не охрипли. Бесшумно падающий снег приглушал их голоса, и даже эхо не звучало в ответ.

— Как всё это ужасно! — сказала Сьюзен, когда наконец, отчаявшись найти брата, они вернулись в дом. — Ах, лучше бы мы никогда не попадали в эту страну!

— Не представляю, что нам теперь делать, мистер Бобр, — сказал Питер.

— Делать? — отозвался мистер Бобр, успевший к этому времени надеть валенки. — Делать? Немедленно уходить отсюда. У нас нет ни секунды времени!

— Может быть, лучше разделиться на партии, — сказал Питер, — и пойти в разные стороны? Кто первым его найдёт, сразу вернётся сюда и…

— На партии, сын Адама и Евы? — спросил мистер Бобр. — Зачем?

— Чтобы искать Эдмунда, зачем же ещё?

— Нет смысла его искать, — сказал мистер Бобр.

— Как — нет смысла?! — воскликнула Сью-

зен. — Он ещё где-то недалеко. Мы должны найти его. Почему вы говорите, что нет смысла его искать?

— По той простой причине, — сказал мистер Бобр, — что мы уже знаем, куда он ушёл!

Все с удивлением взглянули на него.

— Неужели вы не понимаете? — сказал мистер Бобр. — Он ушел *к ней*, к Белой Колдунье. Он предал нас.

— О, что вы!.. Что вы… Он не мог этого сделать! — вскричала Сьюзен.

— Вы так думаете? — сказал мистер Бобр и пристально поглядел на ребят. Слова замерли у них на губах, потому что в глубине души каждый из них вдруг почувствовал, что так именно Эдмунд и поступил.

— Но как он найдёт дорогу к ней? — сказал Питер.

— А он был уже в Нарнии? — спросил мистер Бобр. — Был он тут когда-нибудь один?

— Да, — чуть слышно ответила Люси. — Кажется, да.

— А вам он рассказывал, что он тут делал?

— Н-нет…

— Тогда попомните мои слова, — сказал мистер Бобр, — он уже встречался с Белой Колдуньей и

встал на её сторону, и она показала ему, где её замок. Я не хотел упоминать об этом раньше, ведь он вам брат и всё такое, но как только я увидел этого вашего братца, я сказал себе: «На него нельзя положиться». Сразу было видно, что он встречался с Колдуньей и отведал её угощения. Если долго поживёшь в Нарнии, это нетрудно определить. По глазам…

— Всё верно, — с трудом проговорил Питер, — всё равно мы должны пойти искать его. В конце концов, он — наш брат, хотя и порядочная свинья. Он ещё совсем ребёнок.

— Пойти в замок к Белой Колдунье? — сказала миссис Бобриха. — Неужели ты не видишь, что ваш единственный шанс спасти его и спастись самим — держаться от неё подальше?

— Я не понимаю, — сказала Люси.

— Ну как же? Ведь она ни на минуту не забывает о четырёх тронах в Кэр-Паравале. Стоит вам оказаться у неё в замке — ваша песенка спета. Не успеете вы и глазом моргнуть, как в её коллекции появятся четыре новые статуи. Но она не тронет вашего брата, пока в её власти только он один; она попробует использовать его как приманку, чтобы поймать остальных.

— О, неужели нам никто не поможет? — рас-

плакалась Люси.

— Только Аслан, — сказал мистер Бобр. — Мы должны повидаться с ним. Вся наша надежда на него.

— Мне кажется, мои хорошие, — сказала миссис Бобриха, — очень важно выяснить, когда именно ваш братец выскользнул из дому. От того, сколько он здесь услышал, зависит, что он ей расскажет. Например, был ли он здесь, когда мы заговорили об Аслане? Если нет — всё ещё может обойтись благополучно, она не узнает, что Аслан вернулся в Нарнию и мы собираемся с ним встретиться. Если да — она ещё больше будет настороже.

— Мне кажется, его не было здесь, когда мы говорили об Аслане… — начал Питер, но Люси горестно прервала его:

— Нет был, был… Разве ты не помнишь, он ещё спросил, не может ли Колдунья и Аслана обратить в камень?

— Верно, клянусь честью, — промолвил Питер, — и это так похоже на него.

— Худо дело, — вздохнул мистер Бобр. — И ещё один вопрос: был ли он здесь, когда я сказал, что встреча с Асланом назначена у Каменного Стола?

На это никто из них не мог дать ответа.

— Если был, — продолжал мистер Бобр, — она просто отправится туда на санях, чтобы перехватить нас по дороге, и мы окажемся отрезанными от Аслана.

— Нет, сперва она сделает другое, — сказала миссис Бобриха. — Я знаю её повадки. В ту самую минуту, когда Эдмунд ей о нас расскажет, она кинется сюда, чтобы поймать нас на месте, и если он ушёл больше полчаса назад, минут через двадцать она будет здесь.

— Ты совершенно права, миссис Бобриха, — сказал её муж, — нам нужно отсюда выбираться, не теряя ни одной секунды.

Глава девятая
В доме Колдуньи

Вы, конечно, хотите знать, что же случилось с Эдмундом. Он пообедал вместе со всеми, но обед не пришёлся ему по вкусу, как всем остальным ребятам, ведь он всё время думал о рахат-лукуме. А что ещё может испортить вкус хорошей простой пищи, как не воспоминание о волшебном лакомстве? Он слышал рассказ мистера Бобра, и рассказ этот тоже не пришёлся ему по вкусу. Эдмунду всё время казалось, что на него нарочно не обращают внимания и неприветливо с ним

разговаривают, хотя на самом деле ничего подобного не было.

Так вот, он сидел и слушал, но когда мистер Бобр рассказал им об Аслане и о том, что они должны с ним встретиться у Каменного Стола, Эдмунд начал незаметно пробираться к двери. Потому что при слове «Аслан» его, как и всех ребят, охватило непонятное чувство, но если другие почувствовали радость, Эдмунд почувствовал страх.

В ту самую минуту, когда мистер Бобр произнес: «Когда начнёт людское племя…» — Эдмунд тихонько повернул дверную ручку, а ещё через минуту — мистер Бобр только начал рассказывать о том, что Колдунья не человек, а наполовину джинша, наполовину великанша, — Эдмунд вышел из дома и осторожно прикрыл за собой дверь.

Вы не должны думать, будто Эдмунд был таким уж дурным мальчиком и желал, чтобы его брат и сёстры обратились в камень. Просто ему очень хотелось волшебного рахат-лукума, хотелось стать принцем, а потом королём и отплатить Питеру за то, что тот обозвал его свиньёй. И вовсе не обязательно, чтобы Колдунья была уж так любезна с Питером и девочками и поставила их

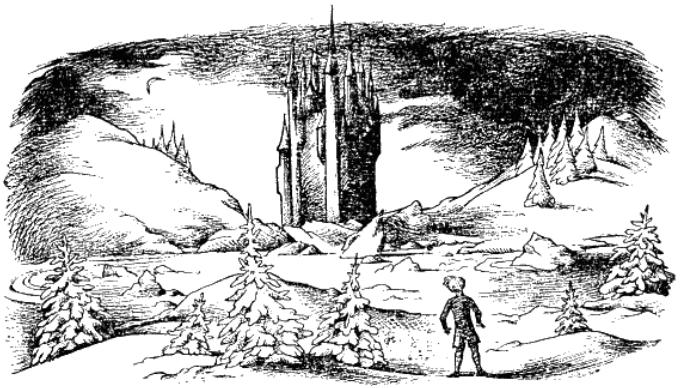
на одну доску с ним, Эдмундом. Но он уговорил себя, вернее, заставил себя поверить, что Колдунья не сделает им ничего дурного. «Потому что, — сказал он себе, — все те, кто болтают о ней всякие гадости, её враги, и, возможно, половина этой болтовни — враньё. Ко мне она отнеслась что надо, уж получше, чем все они. Я думаю, она — законная королева. Во всяком случае, лучше она, чем этот ужасный Аслан». Так Эдмунд оправдывался перед самим собой. Но это было не очень честное оправдание, потому что в глубине души он знал, что Белая Колдунья — злая и жестокая.

Когда Эдмунд вышел за дверь, он увидел, что идёт снег; только тут он вспомнил о шубе, которая осталась в доме. Понятно, нечего было и думать вернуться и забрать её. А ещё он увидел, что наступили сумерки, ведь они сели обедать около трех часов дня, а зимние дни коротки. Он совсем не подумал об этом раньше, но что теперь можно было поделать? Эдмунд поднял воротник куртки и побрел по плотине к дальнему берегу реки. К счастью, из-за выпавшего снега идти было не так скользко.

Когда он наконец добрался до берега, ему не стало легче. Напротив, с каждой минутой сумерки сгущались, глаза залепляли хлопья снега, и

Эдмунд не мог ничего разглядеть на три шага вперед. И дороги он тоже никакой не нашёл. Он увязал в высоких сугробах, скользил на замёрзших лужах, падал, зацепившись за поваленные стволы, проваливался в глубокие канавы, обдирал ноги о камни; он промок, озяб и был весь в синяках. А какая страшная стояла кругом тишина и как одиноко ему было! По правде говоря, я думаю, он вообще отказался бы от своего плана, вернулся обратно, признался во всём и помирился бы с сёстрами и братом, если бы вдруг ему не пришло в голову: «Когда я стану королем Нарнии, я первым делом велю построить приличные дороги». И, само собой, тут он размечтался, как будет королём и что ещё тогда сделает, и мечты сильно его приободрили. А к тому моменту, когда он окончательно решил, какой у него будет дворец, и сколько автомашин, и какой кинотеатр — только для него одного, — и где он проведёт железные дороги, и какие законы издаст против бобров и против плотин, когда до малейших подробностей обдумал, как помешать Питеру задирать перед ним нос, погода переменилась. Перестал идти снег, поднялся ветер, и сделалось очень холодно. Небо расчистилось от туч, взошла полная луна. Стало светло как днём, только чёрные тени на

белом-пребелом снегу пугали его немного.



Эдмунд ни за что не нашёл бы правильного пути, если бы не луна. Она взошла как раз тогда, когда он добрался до небольшой речушки, впадающей в бобриную реку ниже по течению… Вы помните, он приметил эту речушку и два холма за ней, когда они только пришли к бобрам. Эдмунд повернул и пошёл вдоль неё. Но лощина, по которой она текла, куда круче поднималась вверх, была куда более скалистой и сильней заросла кустарником, чем та, которую он только что покинул, и он вряд ли прошёл бы тут в темноте. На нём не осталось сухой нитки, потому что с низко нависших ветвей, под которыми он пробирался,

на спину ему то и дело сваливались целые сугробы снега. И всякий раз, как это случалось, он всё с большей ненавистью думал о Питере, как будто Питер был во всём виноват!

Наконец подъём стал более пологим, и перед Эдмундом раскрылась широкая долина. И тут на противоположном берегу реки, совсем рядом, рукой подать, посреди небольшой поляны между двух холмов перед ним возник замок. Конечно же, это был замок Белой Колдуньи. Казалось, он состоит из одних башенок, украшенных высокими остроконечными шпилями. Башенки были похожи на волшебные колпаки, которые носят чародеи. Они сверкали в ярком лунном свете, их длинные тени таинственно чернели на снегу. Эдмунду стало страшно.

Но возвращаться было поздно. Он пересёк замерзшую речушку и приблизился к замку. Кругом — ни движения, ни звука. Даже его собственные шаги приглушались глубоким, свежевыпавшим снегом. Эдмунд пошёл вокруг замка — угол за углом, башенка за башенкой — в поисках входа. Наконец в самой задней стене он увидел большую арку. Громадные железные ворота были распахнуты настежь.

Эдмунд подкрался к арке и заглянул во двор, и

тут сердце у него ушло в пятки. Сразу же за воротами, залитый лунным светом, стоял огромный лев, припав к земле, словно для прыжка. Эдмунд ни жив ни мертв застыл в тени возле арки, не смея двинуться с места. Он стоял так долго, что, не трясись он уже от страха, стал бы трястись от холода. Сколько времени он так простоял, я не знаю, но для самого Эдмунда это тянулось целую вечность.

Однако мало-помалу ему стало казаться странным, почему лев не двигается с места, — всё это время Эдмунд не спускал с него глаз, и зверь ни разу не пошевельнулся. Эдмунд, всё ещё держась в тени арки, осмелился подойти к нему чуть ближе. И тут он понял, что лев вовсе на него не смотрит. «Ну а если он повернёт голову?» — подумал Эдмунд. Смотрел лев совсем на другое, а именно — на гномика, стоявшего к нему спиной шагах в трёх-четырёх. «Ага, — решил Эдмунд, — пока он прыгает на гнома, я убегу». Но лев был по-прежнему недвижим, гном тоже. Только теперь Эдмунд вспомнил слова бобра о том, что Колдунья может любое существо обратить в камень. Что, если это всего-навсего каменный лев? И только он так подумал, как заметил, что на спине и голове льва лежит снег. Конечно же,

это просто статуя льва! Живой зверь обязательно отряхнулся бы от снега. Медленно-медленно Эдмунд подошёл ко льву. Сердце билось у него так, что готово было выскочить из груди. Даже теперь он не отважился дотронуться до зверя. Наконец быстро протянул руку… она коснулась холодного камня. Вот дурак! Испугался какой-то каменной фигуры.

Эдмунд почувствовал такое облегчение, что, несмотря на мороз, ему стало тепло, и в тот же миг пришла в голову расчудесная, как ему показалось, мысль: «А вдруг это и есть тот великий

Аслан, о котором говорили бобры? Королева уже поймала его и обратила в камень. Вот чем кончились их великолепные планы! Ха, кому он теперь страшен, этот Аслан?!» Так Эдмунд стоял и радовался беде, постигшей льва, а затем позволил очень глупую и неуместную выходку: достал из кармана огрызок карандаша и нарисовал на каменной морде очки. «Ну, глупый старый Аслан, — сказал он, — как тебе нравится быть камнем? Больше не будешь воображать себя невесть кем». Но, несмотря на очки, морда огромного каменного зверя, глядевшего незрячими глазами на луну, была такой грозной, печальной и гордой, что Эдмунд не получил никакой радости от своей проделки. Он отвернулся от льва и пошёл по двору.

Дойдя до середины, он увидел, что его окружают десятки статуй: они стояли там и тут вроде фигур на шахматной доске во время игры. Там были каменные сатиры и каменные волки, и медведи, и лисы, и рыси из камня. Там были изящные каменные изваяния, похожие на женщин, — духи деревьев. Там были огромный кентавр, и крылатая лошадь, и какое-то длинное существо вроде змеи. «Вероятно, дракон», — решил Эдмунд. Они стояли в ярком холодном свете луны совсем как

живые, словно на секунду застыли на месте, и выглядели так фантастично, что, пока Эдмунд пересекал двор, сердце его то и дело замирало от страха. Прямо посередине двора возвышалась огромная статуя, похожая на человека, но высотой с дерево; лицо её, окаймлённое бородой, было искажено гневом, в правой руке — громадная дубина. Эдмунд знал, что великан этот тоже из камня, и всё же ему было неприятно проходить мимо.

Теперь Эдмунд заметил тусклый свет в дальнем конце двора. Приблизившись, он увидел, что свет льётся из распахнутой двери, к которой ведут несколько каменных ступеней. Эдмунд поднялся по ним. На пороге лежал большущий волк.

«А мне не страшно, вовсе не страшно, — успокаивал себя Эдмунд, — это всего-навсего статуя. Он не может мне ничего сделать», — и поднял ногу, чтобы переступить через волка. В тот же миг огромный зверь вскочил с места, шерсть у него на спине поднялась дыбом, он разинул большую красную пасть и прорычал:

— Кто здесь? Кто здесь? Ни шагу вперёд, незнакомец! Отвечай: как тебя зовут?

— С вашего позволения, сэр, — пролепетал Эдмунд, дрожа так, что едва мог шевелить гу-

бами, — мое имя Эдмунд, я — сын Адама и Евы. Её величество встретила меня на днях в лесу, и я пришёл, чтобы сообщить ей, что мои сёстры и брат тоже сейчас в Нарнии… совсем близко отсюда, у бобров. Она… она хотела их видеть…

— Я передам её величеству, — сказал волк. — А ты пока стой здесь, у порога, и не двигайся с места, если тебе дорога жизнь.

И он исчез в доме.

Эдмунд стоял и ждал; пальцы его одеревенели от холода, сердце гулко колотилось в груди. Но вот серый волк — это был Могрим, Начальник Секретной полиции Колдуньи — вновь появился

перед ним и сказал:

— Входи! Входи! Тебе повезло, избранник королевы… а может быть, и не очень повезло.

И Эдмунд пошёл следом за Могримом, стараясь не наступить ему на задние лапы.

Он очутился в длинном мрачном зале с множеством колонн; здесь, как и во дворе, было полно статуй. Почти у самых дверей стояла статуя маленького фавна с очень печальным лицом. Эдмунд невольно задал себе вопрос: уж не тот ли это фавн, мистер Тумнус, друг его сестры Люси? В зале горела одна-единственная лампа, и прямо возле неё сидела Белая Колдунья.

— Я пришел, ваше величество, — сказал Эдмунд, бросаясь к ней.

— Как ты посмел прийти один?! — проговорила Колдунья страшным голосом. — Разве я не велела тебе привести остальных?

— Пожалуйста, не сердитесь, ваше величество, — пролепетал Эдмунд. — Я сделал всё, что мог. Я привёл их почти к самому вашему замку. Они сейчас на плотине вверх по реке… в доме мистера Бобра и миссис Бобрихи.

На лице Колдуньи появилась жестокая улыбка.

— Это всё, что ты хотел мне сообщить? — спро-

сила она.

— Нет, ваше величество, — ответил Эдмунд и пересказал ей всё, что слышал в хатке бобров перед тем, как убежал.

— Что?! Аслан?! — вскричала Колдунья. — Аслан? Это правда? Если я узнаю, что ты мне налгал…

— Простите… я только повторяю слова бобра, — пробормотал, заикаясь, Эдмунд.

Но Колдунья уже не обращала на него внимания. Она хлопнула в ладоши, и перед ней тут же появился тот самый гном, которого Эдмунд уже знал.

— Приготовь мне сани, — приказала Колдунья. — Только возьми упряжь без колокольцев.

Глава десятая

Чары начинают рассеиваться

А теперь нам пора вернуться к мистеру Бобру

и миссис Бобрихе и к остальным трём ребятам. Как только мистер Бобр сказал: «Нам надо выбираться отсюда, не теряя ни одной секунды», все стали надевать шубы, все, кроме миссис Бобрихи. Она быстро подняла с пола несколько мешков, положила их на стол и сказала:

— А ну-ка, мистер Бобр, достань-ка с потолка тот окорок. А вот пакет чая, вот сахар, вот спички. И хорошо бы, если бы кто-нибудь передал мне несколько караваев хлеба. Они там, в углу.

— Что вы такое делаете, миссис Бобриха? — воскликнула Сьюзен.

— Собираю каждому из нас по мешку, милочка, — преспокойно сказала миссис Бобриха. — Неужели ты думаешь, что можно отправляться в далёкий путь, не захватив с собой еды?

— Но нам нужно спешить, — сказала Сьюзен, застёгивая шубу. — *Она* может появиться здесь с минуты на минуту.

— Вот и я это говорю, — поддержал Сьюзен мистер Бобр.

— Не болтайте вздора! — сказала его жена. — Ну подумайте хорошенько, мистер Бобр. Ей не добраться сюда быстрее, чем за пятнадцать минут.

— Но разве нам не важно как можно больше её опередить? — спросил Питер. — Раз мы хотим

быть раньше неё у Каменного Стола.

— Об этом-то вы забыли, миссис Бобриха, — сказала Сьюзен. — Как только она заглянет сюда и увидит, что нас тут нет, она что есть мочи помчится вслед за нами.

— Не спорю, — сказала миссис Бобриха. — Но нам не попасть к Каменному Столу до неё, как бы мы ни старались, ведь она едет на санях, а мы пойдём пешком.

— Значит… всё пропало? — сказала Сьюзен.

— Не тревожься. Зачем раньше времени так волноваться?.. Успокоилась? Ну вот и молодец! — сказала миссис Бобриха. — Достань лучше из ящика комода несколько чистых носовых платков… Конечно же, не всё пропало. Мы не можем попасть туда *до неё*, но мы можем спрятаться в укромном месте и пробираться туда такими путями, каких она не знает. Я надеюсь, что нам это удастся.

— Всё так, миссис Бобриха, — сказал её муж, — но нам пора выходить.

— А ты тоже не бей тревогу, мистер Бобр, — сказала его жена. — Полно тебе… Ну вот, теперь всё в порядке. Четыре мешка для каждого из нас и мешочек для самой маленькой — для тебя, милочка, — добавила она, взглянув на Люси.

— Ах, пожалуйста, пожалуйста, давайте скорее пойдём, — сказала Люси.

— Что ж, я почти готова, — ответила миссис Бобриха, в то время как мистер Бобр помогал ей, с её разрешения, надеть валеночки. — Пожалуй, швейную машинку будет тяжело нести?

— Еще бы, — сказал мистер Бобр. — Очень и очень тяжело. И неужели ты собираешься шить на ней по дороге?

— Мне худо от одной мысли, что Колдунья будет её вертеть, — сказала миссис Бобриха, — и сломает, а чего доброго, и украдёт.

— Ах, пожалуйста, пожалуйста, поторопитесь, — хором сказали ребята.

И вот наконец они вышли из дому, и мистер Бобр запер дверь.

— Это её немного задержит, — сказал он; и беглецы отправились в путь, перекинув за спины мешочки с едой.

К этому времени снегопад прекратился и на небе появилась луна. Они шли гуськом — сперва мистер Бобр, затем Люси, Питер и Сьюзен; замыкала шествие миссис Бобриха. Они перешли по плотине на правый берег реки, а затем мистер Бобр повёл их по еле заметной тропинке среди деревьев, растущих у самой воды. С двух сторон,

сверкая в лунном свете, вздымались высокие берега.

— Лучше идти понизу, пока это будет возможно, — сказал мистер Бобр. — Ведь ей ехать поверху, сюда не спустишься на санях.

Перед ними открывался прекрасный вид… если бы любоваться им, сидя у окна в удобном кресле. Даже сейчас Люси им наслаждалась. Но недолго. Они шли, шли и шли; мешочек, который несла Люси, становился всё тяжелее и тяжелее, и понемногу девочке стало казаться, что ещё шаг — и она просто не выдержит. Она перестала глядеть на слепящую блеском реку, на ледяные водопады, на огромные снежные шапки на макушках деревьев, на сияющую луну и на бесчисленные звёзды. Единственное, что она теперь видела, — коротенькие ножки мистера Бобра, идущего — топ-топ-топ-топ — впереди неё с таким видом, словно они никогда в жизни не остановятся. А затем луна скрылась, и снова повалил снег. Люси так устала, что двигалась как во сне. Вдруг мистер Бобр свернул от реки направо, и они стали карабкаться по очень крутому склону прямо в густой кустарник. Девочка очнулась и как раз вовремя: она успела заметить, как их проводник исчез в небольшой дыре, так хорошо замаски-

рованной кустами, что увидеть её можно было, только подойдя к ней вплотную. Но если говорить откровенно, Люси по-настоящему поняла, что происходит, когда увидела, что из норы торчит лишь короткий плоский хвост.

Люси тут же нагнулась и заползла внутрь вслед за бобром. Вскоре она услышала позади приглушённый шум, и через минуту все пятеро были опять вместе.

— Что это? Где мы? — спросил Питер усталым, тусклым голосом. (Я надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать, называя голос «тусклым»?)

— Это наше старое убежище. Бобры всегда прятались здесь в тяжёлые времена, — ответил мистер Бобр. — О нём никто не знает. Не скажу, чтобы здесь было очень удобно, но нам всем необходимо немного поспать.

— Если бы все так не суетились и не волновались, когда мы уходили из дому, я бы захватила несколько подушек, — сказала миссис Бобриха.

«Пещера-то похуже, чем у мистера Тумнуса, — подумала Люси, — просто нора в земле, правда, сухая и не глинистая». Пещера была совсем небольшая, и так как беглецы легли на землю прямо в шубах, образовав один сплошной клубок, да к тому же все разогрелись во время

пути, им показалось там тепло и уютно. «Если бы только, — вздохнула Люси, — здесь не было так жёстко». Миссис Бобриха достала фляжку, и каждый из них выпил по глотку какой-то жидкости, которая обожгла им горло. Ребята не могли удержаться от кашля, но зато им стало ещё теплей и приятней, и они тут же все как один уснули.

Когда Люси открыла глаза, ей показалось, что она спала не больше минуты, хотя с тех пор, как они уснули, прошло много часов. Ей было холодно, по телу пошли мурашки, и больше всего на свете ей хотелось принять сейчас горячую ванну. Затем она почувствовала, что лицо ей щекочут длинные усы, увидела слабый дневной свет, проникающий в пещерку сверху. И тут она окончательно проснулась, впрочем, все остальные тоже. Раскрыв рты и вытаращив глаза, они сидели и слушали тот самый перезвон, которого ожидали, — а порой им чудилось, что они его и слышат, — во время вчерашнего пути. Перезвон бубенцов.

Мистер Бобр мигом выскочил из пещеры. Возможно, вы полагаете, как решила вначале и Люси, что он поступил глупо. Напротив, это было очень разумно. Он знал, что может взобраться на самый верх откоса так, что его никто не заметит

среди кустов и деревьев, а ему важно было выяснить, в какую сторону направляются сани Белой Колдуньи. Миссис Бобриха и ребята остались в пещере — ждать и строить догадки. Они ждали целых пять минут. А затем чуть не умерли от страха — они услышали голоса. «Ой, — подумала Люси, — его увидели. Колдунья поймала мистера Бобра!» Каково же было их удивление, когда вскоре у самого входа в пещеру раздался его голос:

— Всё в порядке! — кричал он. — Выходи, миссис Бобриха! Выходите, сын и дочери Адама и Евы! Всё в порядке! Это не *она*! Это не *ейные* бубенцы! — Он выражался не очень грамотно, но именно так говорят бобры, когда их что-нибудь очень взволнует; я имею в виду в Нарнии — в нашем мире они вообще не говорят.

И вот миссис Бобриха, Питер, Сьюзен и Люси кучей вывалились из пещеры, щурясь от яркого солнца, все в земле, заспанные, непричёсанные и неумытые.

— Скорее идите сюда! — кричал мистер Бобр, чуть не приплясывая от радости. — Идите, взгляните своими глазами! Неплохой сюрприз для Колдуньи! Похоже, её власти приходит конец.

— Что вы этим хотите сказать, мистер Бобр? — спросил Питер, еле переводя дыхание, ведь они

карабкались вверх.

— Разве я вам не говорил, что из-за неё у нас всегда зима, а Рождество так и не наступает? Говорил. А теперь смотрите!

И тут они наконец очутились на верху откоса и увидели… Что же они увидели? Сани?

Да, сани и оленью упряжку. Но олени эти были куда крупнее, чем олени Колдуньи, и не белой, а гнедой масти. А на санях сидел… они догадались, кто это, с первого взгляда. Высокий старик в ярко-красной шубе с меховым капюшоном; длинная седая борода пенистым водопадом спадала ему на грудь. Они сразу узнали его. Хотя увидеть подобные ему существа можно лишь в Нарнии, рассказывают о них и рисуют их на картинках даже в нашем мире — мире по эту сторону дверцы платяного шкафа. Однако когда вы видите его в Нарнии своими глазами — это совсем другое дело. На многих картинках Дед Мороз выглядит просто весёлым и даже смешным. Но, глядя на него сейчас, ребята почувствовали, что это не совсем так. Он был такой большой, такой радостный, такой настоящий, что они невольно притихли. У них тоже стало радостно и торжественно на душе.

— Наконец-то я здесь, — сказал он. — *Она* долго меня не впускала, но я всё-таки попал сюда.

Аслан в пути. Чары Колдуньи теряют силу. А теперь, — продолжал Дед Мороз, — пришёл черед одарить всех вас подарками. Вам, миссис Бобриха, хорошая новая швейная машинка. Я по пути завезу её к вам.

— Простите, сэр, — сказала, приседая, миссис Бобриха. — У нас заперта дверь.

— Замки и задвижки для меня не помеха, — успокоил её Дед Мороз. — А вы, мистер Бобр, когда вернётесь домой, увидите, что плотина ваша закончена и починена, все течи заделаны и поставлены новые шлюзные ворота.

Мистер Бобр был в таком восторге, что широко-преширoко раскрыл рот и тут обнаружил, что язык не повинуется ему.

— Питер, сын Адама и Евы! — сказал Дед Мороз.

— Я, сэр, — откликнулся Питер.

— Вот твои подарки — но это не игрушки. Возможно, не за горами то время, когда тебе придётся пустить их в ход. Будь достоин их. — С этими словами Дед Мороз протянул Питеру щит и меч. Щит отливал серебром, на нём был изображен стоящий на задних лапах лев, красный, как спелая лесная земляника. Рукоятка меча была из золота, вкладывался он в ножны на перевязи и

был как раз подходящего для Питера размера и веса. Питер принял подарок Деда Мороза в торжественном молчании: он чувствовал, что это очень серьёзные дары.

— Сьюзен, дочь Адама и Евы! — сказал Дед Мороз. — А это для тебя.

И он протянул ей лук, колчан со стрелами и рог из слоновой кости.

— Ты можешь стрелять из этого лука, — сказал он, — только при крайней надобности. Я не хочу, чтобы ты участвовала в битве. Тот, кто стреляет из этого лука, всегда попадает в цель. А если ты поднесёшь к губам этот рог и затрубишь в него, где бы ты ни была, к тебе придут на помощь.

Наконец очередь дошла и до Люси.

— Люси, дочь Адама и Евы! — сказал Дед Мороз, и Люси выступила вперед. Дед Мороз дал ей бутылочку — на вид она была из стекла, но люди потом говорили, что она из настоящего алмаза, — и небольшой кинжал.

— В бутылочке, — сказал он, — напиток из сока огненных цветов, растущих в горах на Солнце. Если ты или кто-нибудь из твоих друзей будет ранен, нескольких капель достаточно, чтобы вас исцелить. А кинжал ты можешь пустить в ход, только чтобы защитить себя, в случае крайней

нужды. Ты тоже не должна участвовать в битве.

— Почему, сэр? — спросила Люси. — Я думаю… я не знаю, но мне кажется, что я не струшу.

— Не в этом дело, — сказал Дед Мороз. — Страшны те битвы, в которых принимают участие женщины. А теперь, — и лицо его повеселело, — я хочу кое-что преподнести вам всем. — И он протянул большой поднос, на котором стояли пять чашек с блюдцами, вазочка с сахаром, сливочник со сливками и большущий чайник с крутым кипятком: чайник шипел и плевался во все стороны. Дед Мороз вынул всё это из мешка за спиной, хотя никто не заметил, когда это произошло.

— Счастливого Рождества! Да здравствуют настоящие короли! — вскричал он и взмахнул кнутом.

И прежде чем они успели опомниться — и олени, и сани, и Дед Мороз исчезли из виду.

Питер только вытащил меч из ножен, чтобы показать его мистеру Бобру, как миссис Бобриха сказала:

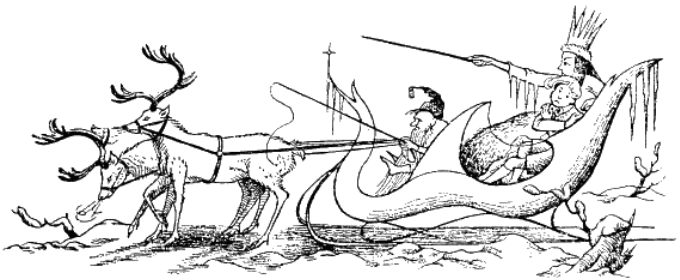
— Хватит, хватит… Будете стоять там и болтать, пока простынет чай. Ох уж эти мужчины! Помогите отнести поднос вниз, и будем завтракать. Как хорошо, что я захватила большой нож.

И вот они снова спустились в пещеру, и мистер

Бобр нарезал хлеба и ветчины, и миссис Бобриха сделала бутерброды и разлила чай по чашкам, и все с удовольствием принялись за еду. Но удовольствие их было недолгим, так как очень скоро мистер Бобр сказал:

— А теперь пора идти дальше.

Глава одиннадцатая
Аслан всё ближе



Тем временем Эдмунду пришлось испытать тяжёлое разочарование. Он думал, что, когда гном пойдёт запрягать оленей, Колдунья станет ласковее с ним, как было при их первой встрече. Но она не проронила ни слова. Набравшись храбрости, он спросил:

— Пожалуйста, ваше величество, не дадите ли вы мне немного рахат-лукума… Вы… Вы… обещали. — Но в ответ услышал:

— Замолчи, дурень.

Однако, поразмыслив, она проговорила, словно про себя:

— Да нет, так не годится, щенок ещё потеряет

по дороге сознание. — И снова хлопнула в ладоши. Появился другой гном. — Принеси этому человеческому отродью поесть и попить! — приказала она.

Гном вышел и тут же вернулся. В руках у него была железная кружка с водой и железная тарелка, на которой лежал ломоть чёрствого хлеба. С отвратительной ухмылкой он поставил их на пол возле Эдмунда и произнес:

— Рахат-лукум для маленького принца! Ха-ха-ха!

— Убери это, — угрюмо проворчал Эдмунд. — Я не буду есть сухой хлеб.

Но Колдунья обернулась к нему, и лицо её было так ужасно, что Эдмунд тут же попросил прощения и принялся жевать хлеб, хотя он совсем зачерствел и мальчик с трудом мог его проглотить.

— Ты не раз с благодарностью вспомнишь о хлебе, прежде чем тебе удастся снова его отведать, — сказала Колдунья.

Эдмунд ещё не кончил есть, как появился первый гном и сообщил, что сани готовы. Белая Колдунья встала и вышла из зала, приказав Эдмунду следовать за ней. На дворе снова шёл снег, но она не обратила на это никакого внимания и

велела Эдмунду сесть рядом с ней в сани. Прежде чем они тронулись с места, Колдунья позвала Могрима. Волк примчался огромными прыжками и, словно собака, стал возле саней.

— Возьми самых быстрых волков из твоей команды и немедленно отправляйся к дому бобров, — сказала Колдунья. — Убивайте всех, кого там найдёте. Если они уже сбежали, поспешите к Каменному Столу, но так, чтобы вас никто не заметил. Спрячьтесь и ждите меня там. Мне придётся проехать далеко на запад, прежде чем я найду такое место, где смогу переправиться через реку. Возможно, вы настигнете беглецов до того, как они доберутся до Каменного Стола. Ты сам знаешь, что тебе в этом случае делать.

— Слушаю и повинуюсь, о королева! — прорычал волк и в ту же секунду исчез в снежной тьме; даже лошадь, скачущая в галоп, не могла бы его обогнать. Не прошло и нескольких минут, как он вместе с ещё одним волком был на плотине у хатки бобров. Конечно, они там никого не застали. Если бы не снегопад, дело кончилось бы для бобров и ребят плохо, потому что волки пошли бы по следу и наверняка перехватили бы наших друзей ещё до того, как те укрылись в пещере. Но, как вы знаете, снова шёл снег, и Могрим не мог ни учуять их, ни увидеть следов.

Тем временем гном хлестнул оленей, сани выехали со двора и помчались в холод и мрак. Поездка эта показалась Эдмунду ужасной — ведь

на нём не было шубы. Не прошло и четверти часа, как всю его грудь, и живот, и лицо залепило снегом; не успевал он очистить снег, как его опять засыпало, так что он совершенно выбился из сил и перестал отряхиваться. Вскоре Эдмунд промёрз до костей. Ах, каким он себя чувствовал несчастным! Не похоже было, что Колдунья собирается сделать его королём. Как он ни убеждал себя, что она добрая и хорошая, что право на её стороне, ему трудно было теперь этому верить. Он отдал бы всё на свете, чтобы встретиться сейчас со своими, даже с Питером. Единственным утешением ему служила мысль, что всё это, возможно, только снится и он вот-вот проснётся. Час шёл за часом, и всё происходившее действительно стало казаться дурным сном.

Сколько времени они ехали, я не мог бы вам рассказать, даже если бы исписал сотни страниц. Поэтому я сразу перейду к тому моменту, когда перестал идти снег, наступило утро и они мчались по берегу реки при дневном свете. Всё вперёд и вперёд, в полной тишине; единственное, что слышал Эдмунд, — визг полозьев по снегу и поскрипывание сбруи. Вдруг Колдунья воскликнула:

— Что тут такое? Стой!

Эдмунд надеялся, что она вспомнила о завтраке. Но нет! Она велела остановить сани совсем по другой причине. Недалеко от дороги под деревом на круглых табуретках вокруг круглого стола сидела весёлая компания: белка с мужем и детишками, два сатира, гном и старый лис. Эдмунд не мог разглядеть, что они ели, но пахло очень вкусно, всюду были елочные украшения, и ему даже показалось, что на столе стоит плум-пудинг. В тот миг как сани остановились, лис — по-видимому, он был там самый старший — поднялся, держа в лапе бокал, словно намеревался произнести тост. Но когда сотрапезники увидели сани и ту, которая там сидела, всё их веселье пропало. Папа-белка застыл, не донеся вилки до рта; один из сатиров сунул вилку в рот и забыл её вынуть; бельчата запищали от страха.

— Что всё это значит?! — спросила Королева-Колдунья.

Никто не ответил.

— Говорите, сброд вы этакий! — повторила она. — Или вы хотите, чтобы мой кучер развязал вам языки своим бичом? Что означает всё это обжорство, это расточительство, это баловство?! Где вы всё это взяли?

— С вашего разрешения, ваше величество, — сказал лис, — мы не взяли, нам дали. И если вы позволите, я осмелюсь поднять этот бокал за ваше здоровье…

— Кто дал? — спросила Колдунья.

— Д-д-дед М-мороз, — проговорил, заикаясь, лис.

— Что?! — вскричала Колдунья, соскакивая с

саней, и сделала несколько огромных шагов по направлению к перепуганным зверям. — Он был здесь? Нет, это невозможно! Как вы осмелились… но нет… Скажите, что вы солгали, и, так и быть, я вас прощу.

Тут один из бельчат совсем потерял голову со страху.

— Был… был… был! — верещал он, стуча ложкой по столу. Эдмунд видел, что Колдунья крепко прикусила губу, по подбородку у неё покатилась капелька крови. Она подняла волшебную палочку.

— О, не надо, не надо, пожалуйста, не надо! — закричал Эдмунд, но не успел он договорить, как она махнула палочкой, и в тот же миг вместо весёлой компании вокруг каменного круглого стола, где стояли каменные тарелки и каменный плум-пудинг, на каменных табуретках оказались каменные изваяния (одно из них с каменной вилкой на полпути к каменному рту).

— А вот это пусть научит тебя, как заступаться за предателей и шпионов! — Колдунья изо всей силы хлопнула его по щеке и села в сани. — Погоняй!

В первый раз с начала этой истории Эдмунд позабыл о себе и посочувствовал чужому горю.

Он с жалостью представил себе, как эти каменные фигурки будут сидеть в безмолвии дней и мраке ночей год за годом, век за веком, пока не покроются мхом, пока, наконец, сам камень не искрошится от времени.

Они снова мчались вперёд. Однако скоро Эдмунд заметил, что снег, бивший им в лицо, куда более сырой, чем ночью. И что стало гораздо теплей. Вокруг начал подниматься туман. С каждой минутой туман становился всё гуще, а воздух всё теплее. И сани шли куда хуже, чем раньше. Сперва Эдмунд подумал, что просто олени устали, но немного погодя увидел, что настоящая причина не в этом. Сани дергались, застревали и подпрыгивали всё чаще, словно ударялись о камни. Как ни хлестал гном бедных оленей, сани двигались всё медленней и медленней. Кругом раздавался какой-то непонятный шум, однако скрип саней и крики гнома мешали Эдмунду разобрать, откуда он шёл. Но вот сани остановились, ни взад ни вперёд! На миг наступила тишина. Теперь он поймёт, что это такое. Странный мелодичный шорох и шелест — незнакомые и вместе с тем знакомые звуки; несомненно, он их уже когда-то слышал, но только не мог припомнить, где. И вдруг он вспомнил. Это шумела вода. Всюду, невидимые

глазу, бежали ручейки, это их журчание, бормотание, бульканье, плеск и рокот раздавались кругом. Сердце подскочило у Эдмунда в груди — он и сам не знал, почему, — когда он понял, что морозу пришел конец. Совсем рядом слышалось «кап-кап-кап» — это таял снег на ветвях деревьев. Вот с еловой ветки свалилась снежная глыба, и впервые с тех пор, как он попал в Нарнию, Эдмунд увидел тёмно-зелёные иглы ели. Но у него не было больше времени смотреть и слушать, потому что Колдунья тут же сказала:

— Не сиди, разинув рот, дурень. Вылезай и помоги.

Конечно, Эдмунду оставалось только повиноваться. Он ступил на снег — вернее, в жидкую снежную кашу — и принялся помогать гному вытаскивать сани. Наконец им удалось это сделать, и, нещадно нахлёстывая оленей, гном заставил их сдвинуться с места и пройти еще несколько шагов. Но снег таял у них на глазах, кое-где уже показались островки зелёной травы. Если бы вы так же долго, как Эдмунд, видели вокруг один белый снег, вы бы поняли, какую радость доставляла ему эта зелень. И тут сани окончательно увязли.

— Бесполезно, ваше величество, — сказал

гном. — Мы не можем ехать на санях в такую оттепель.

— Значит, пойдем пешком, — сказала Колдунья.

— Мы никогда их не догоним, — проворчал гном. — Они слишком опередили нас.

— Ты мой советник или мой раб? — спросила Колдунья. — Не рассуждай. Делай, как приказано. Свяжи человеческому отродью руки за спиной; поведём его на веревке. Захвати кнут. Обрежь поводья: олени сами найдут дорогу домой.

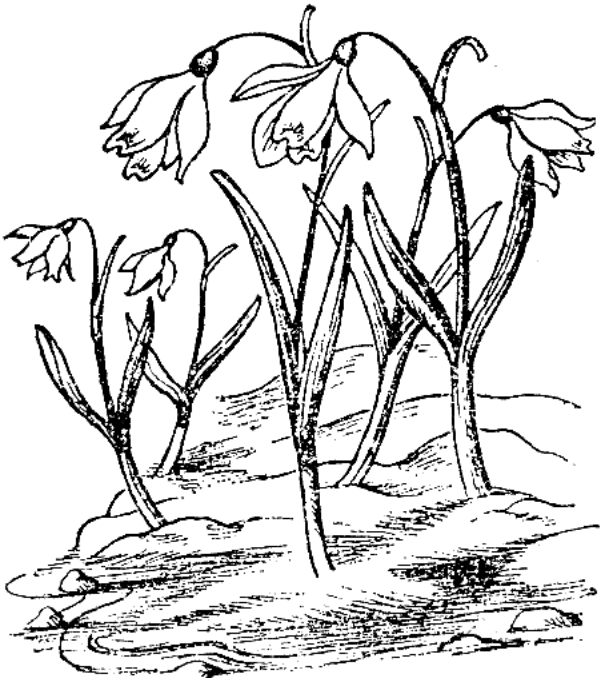
Гном выполнил её приказание, и через несколько минут Эдмунд уже шёл, вернее, чуть не бежал. Руки были скручены у него за спиной. Ноги скользили по слякоти, грязи, мокрой траве, и всякий раз, стоило ему поскользнуться, гном кричал на него, а то и стегал кнутом. Колдунья шла следом за гномом, повторяя:

— Быстрей! Быстрей!

С каждой минутой зелёные островки делались больше, а белые — меньше. С каждой минутой еще одно дерево скидывало с себя снежный покров. Вскоре, куда бы вы ни поглядели, вместо белых силуэтов вы видели тёмно-зелёные лапы елей или чёрные колючие ветви дубов, буков и вязов. А затем туман стал из белого золотым и вскоре совсем исчез. Лучи солнца насквозь пронизывали лес, между верхушками деревьев засверкало голубое небо.

А вскоре начались ещё более удивительные вещи. Завернув на прогалину, где росла серебристая береза, Эдмунд увидел, что вся земля усыпана желтыми цветочками — чистотелом. Журчание воды стало громче. Ещё несколько шагов — и

им пришлось перебираться через ручей. На его дальнем берегу росли подснежники.



— Иди, иди, не оглядывайся, — проворчал гном, когда Эдмунд повернул голову, чтобы полюбоваться цветами, и злобно дёрнул верёвку.

Но, понятно, этот окрик не помешал Эдмунду

увидеть всё, что происходило вокруг. Минут пять спустя он заметил крокусы: они росли вокруг старого дерева — золотые, пурпурные, белые. А затем послышался звук ещё более восхитительный, чем журчание воды, — у самой тропинки, по которой они шли, на ветке дерева вдруг чирикнула птица. В ответ ей отозвалась другая, с дерева подальше. И вот, словно это было сигналом, со всех сторон послышались щебет и свист и даже на миг — короткая трель. Через несколько минут весь лес звенел от птичьего пения. Куда бы ни взглянул Эдмунд, он видел птиц; они садились на ветки, порхали над головой, гонялись друг за другом, ссорились, мирились, приглаживали пёрышки клювом.

— Быстрей! Быстрей! — кричала Колдунья.

От тумана не осталось и следа. Небо становилось всё голубее и голубее, время от времени по нему проносились белые облачка. На широких полянах желтел первоцвет. Поднялся лёгкий ветерок, он покачивал ветки деревьев, и с них скатывались капли воды; до путников донёсся дивный аромат. Лиственницы и берёзы покрылись зелёным пухом, жёлтая акация — золотым. Вот уже на берёзах распустились нежные, прозрачные листочки. Когда путники шли под

деревьями, даже солнечный свет казался зелёным. Перед ними пролетела пчела.

— Это не оттепель, — остановившись как вкопанный, сказал гном. — Это — Весна! Как нам быть? Вашей зиме пришел конец! Это работа Аслана!

— Если один из вас ещё хоть раз осмелится произнести его имя, — сказала Колдунья, — он немедленно будет убит!

Глава двенадцатая
Первая битва Питера

А в это самое время далеко-далеко отсюда бобры и ребята уже много часов подряд шли, словно в сказке.

Они давно сбросили шубы и теперь даже пере-

стали говорить друг другу: «Взгляни! Зимородок!» — или: «Ой, колокольчик!» — или: «Что это так чудесно пахнет?» — или: «Только послушайте, как поёт дрозд!» Они шли теперь молча, упиваясь этой благодатью, то по тёплым солнечным полянам, то в прохладной тени зелёных зарослей, то вновь по широким мшистым прогалинам, где высоко над головой раскидывали кроны могучие вязы, то в сплошной чаще цветущей смородины и боярышника, где крепкий аромат чуть не сбивал их с ног.

Они поразились не меньше Эдмунда, увидев, что зима отступает у них на глазах и за несколько часов время промчалось от января до мая. Они не знали, что так и должно было произойти, когда в Нарнию вернётся Аслан. Но всем им было известно: бесконечная зима в Нарнии — дело рук Белой Колдуньи, её злых чар, и раз началась весна, значит, у неё что-то разладилось. Они сообразили также, что без снега Колдунья не сможет ехать на санях. Поэтому перестали спешить, чаще останавливались и дольше отдыхали. Конечно, к этому времени они сильно устали, сильно, но не до смерти, просто они двигались медленнее, как во сне, и на душе у них были тишина и покой, как бывает на исходе долгого дня, проведённого на

воздухе. Сьюзен слегка натёрла пятку.

Большая река оставалась слева от них. Чтобы добраться до Каменного Стола, следовало свернуть к югу, то есть направо. Даже если бы им не надо было сворачивать, они не могли бы идти прежним путём: река разлилась, и там, где проходила их тропинка, теперь с шумом и рёвом несся бурный жёлтый поток.

Но вот солнце стало заходить, свет его порозовел, тени удлинились, и цветы задумались, не пора ли им закрываться.

— Теперь уже недалеко, — сказал мистер Бобр и стал подниматься по холму, поросшему высокими деревьями и покрытому толстым пружинящим мхом — по нему было так приятно ступать босыми ногами. Идти в гору после целого дня пути тяжело, и все они запыхались. Люси уже начала сомневаться, сможет ли дойти до верха, если как следует не передохнёт, как вдруг они очутились на вершине холма. И вот что открылось их глазам.

Путники стояли на зелёной открытой поляне. Под ногами у них темнел лес: он был всюду, куда достигал глаз, и только далеко на востоке, прямо перед ними, что-то сверкало и переливалось.

— Вот это да! — выдохнул Питер, обернувшись

к Сьюзен. — Море!

А посреди поляны возвышался Каменный Стол — большая мрачная плита серого камня, положенная на четыре камня поменьше. Стол выглядел очень старым. На нём были высечены таинственные знаки, возможно, буквы неизвестного нам языка. Тот, кто глядел на них, испытывал какое-то странное, необъяснимое чувство. А затем ребята заметили шатёр, раскинутый в стороне. Ах, какое это было удивительное зрелище, особенно сейчас, когда на шатёр падали косые лучи заходящего солнца: полотнища из жёлтого шёлка, пурпурные шнуры, колышки из слоновой кости, а сверху, на шесте, колеблемый лёгким ветерком, который дул им в лицо с далёкого моря, реял стяг с красным львом, вставшим на задние лапы.

Внезапно справа от них раздались звуки музыки, и, обернувшись, они увидели то, ради чего пришли сюда.

Аслан стоял в центре целой группы престранных созданий, окруживших его полукольцом. Там были духи деревьев и духи источников — дриады и наяды, как их зовут в нашем мире, — с лирами в руках. Вот откуда слышалась музыка. Там было четыре больших кентавра. Сверху они

были похожи на суровых, но красивых великанов, снизу — на могучих лошадей, таких, которые работают в Англии на фермах. Были там и единорог, и бык с человечьей головой, и пеликан, и орёл, и огромный пёс.

А рядом с Асланом стояли два леопарда.

Один держал его корону, другой — его знамя.

А как вам описать самого Аслана? Этого не могли бы ни ребята, ни бобры. Не знали они и как вести себя с ним, и что сказать. Те, кто не был в Нарнии, думают, что нельзя быть добрым и гроз-

ным одновременно. Если Питер, Сьюзен и Люси когда-нибудь так думали, то теперь они поняли свою ошибку. Потому что когда они попробовали прямо взглянуть на него, они почувствовали, что не осмеливаются это сделать, и лишь на миг увидели золотую гриву и большие, серьёзные, проникающие в самое сердце глаза.

— Подойди к нему, — шепнул мистер Бобр.

— Нет, — шепнул Питер. — Вы первый.

— Сначала дети Адама и Евы, потом животные, — ответил ему шёпотом мистер Бобр.

— Сьюзен, — шепнул Питер. — Может быть, ты? Дам всегда пропускают вперёд.

— Ты же старший, — шепнула Сьюзен.

И, конечно, чем дольше они так перешёптывались, тем более неловко им было. Наконец Питер понял, что первым действовать придётся ему. Он вытащил из ножен меч и отдал честь Аслану. Торопливо шепнув остальным: «Идите за мной. Возьмите себя в руки», — он приблизился ко Льву и сказал:

— Мы пришли… Аслан.

— Добро пожаловать, Питер, сын Адама и Евы, — сказал Аслан. — Добро пожаловать, Сьюзен и Люси, дочери Адама и Евы. Добро пожаловать, Бобр и Бобриха.

Голос у Льва был низкий и звучный, и почему-то ребята сразу перестали волноваться. Теперь на сердце у них было радостно и спокойно, и им вовсе не казалось неловким стоять перед Асланом молча.

— А где же четвёртый? — спросил Аслан.

— Он хотел их предать, он перешёл на сторону Белой Колдуньи, о Аслан, — ответил мистер Бобр.

И тут что-то заставило Питера сказать:

— Тут есть и моя вина, Аслан. Я рассердился на него, и, мне кажется, это толкнуло его на ложный путь.

Аслан ничего не ответил на эти слова, просто стоял и пристально смотрел на мальчика. И все поняли, что тут действительно не поможешь словами.

— Пожалуйста, Аслан, — попросила Люси, — нельзя ли как-нибудь спасти Эдмунда?

— Мы сделаем всё, чтобы его спасти, — сказал Аслан. — Но это может оказаться труднее, чем вы полагаете.

И Лев опять замолчал. С первой минуты Люси восхищалась тем, какой у него царственный, грозный и вместе с тем миролюбивый взгляд, но сейчас она вдруг увидела, что его взгляд к

тому же еще и печальный. Однако выражение это сразу же изменилось. Аслан тряхнул гривой и хлопнул одной лапой о другую. «Страшные лапы, — подумала Люси, — хорошо, что он умеет втягивать когти».

— Ну а пока пусть готовят пир, — сказал он. — Отведите дочерей Адама и Евы в шатёр и позаботьтесь о них.

Когда девочки ушли, Аслан положил лапу Питеру на плечо — ох, и тяжела же была она! — и сказал:

— Пойдём, сын Адама и Евы, я покажу тебе замок, где ты будешь королём.

И Питер, всё еще держа в руке меч, последовал за Львом к восточному краю поляны. Их глазам открылся великолепный вид. За спиной у них садилось солнце, и вся долина, лежащая внизу, — лес, холмы, луга, извивающаяся серебряной змейкой река, — была залита вечерним солнечным светом. А далеко-далеко впереди синело море и плыли по небу розовые от закатного солнца облака.

Там, где земля встречалась с морем, у самого устья реки, подымалась невысокая гора, на которой что-то сверкало. Это был замок. Во всех его окнах, обращённых на запад, отражался закат

— вот откуда исходило сверкание, но Питеру казалось, что он видит огромную звезду, покоящуюся на морском берегу.

— Это, о Человек, — сказал Аслан, — Кэр-Параваль Четырёхтронный, и на одном из тронов будешь сидеть ты. Я показываю его тебе, потому что ты самый старший из вас и будешь Верховным Королём.

И вновь Питер ничего не сказал — в эту самую секунду тишину нарушил странный звук. Он был похож на пение охотничьего рожка, только более низкий.

— Это рог твоей сестры, — сказал Аслан Питеру тихо, так тихо, что казалось, будто он мурлычет, если позволительно так говорить про льва.

Питер не сразу понял его. Но когда он увидел, что все остальные устремились вперёд, и услышал, как Аслан, махнув лапой, крикнул: «Назад! Пусть принц сам завоюет себе рыцарские шпоры», — он догадался, в чём дело, и со всех ног бросился к шатру. Его ждало там ужасное зрелище.

Наяды и дриады улепётывали во все стороны. Навстречу ему бежала Люси так быстро, как только могли двигаться её маленькие ножки. Лицо её было белее бумаги. Только тут он заметил Сью-

зен. Стрелой подлетев к дереву, она уцепилась за ветку; за ней по пятам нёсся большой серый зверь. Сперва Питер принял его за медведя, но потом увидел, что он скорее похож на собаку, хотя был куда крупней. Внезапно его осенило: это же волк. Став на задние лапы, волк упёрся передними в ствол. Он рычал и лязгал зубами, шерсть у него на спине стояла дыбом. Сьюзен удалось забраться только на вторую ветку от земли. Одна её нога свисала вниз и была всего в нескольких дюймах от звериной пасти. Питер удивился, почему она не заберётся повыше или хотя бы не уцепится покрепче, и вдруг понял, что сестра вот-вот потеряет сознание и упадёт.

Питер вовсе не был таким уж смельчаком, напротив, ему казалось, что сейчас ему станет худо от страха. Но это ничего не меняло: он знал, что ему повелевает долг. Одним броском он кинулся на чудище, подняв меч, чтобы ударить его сплеча. Волк избежал этого удара. С быстротой молнии он обернулся к Питеру. Глаза его сверкали от ярости, из пасти вырвался злобный рык. Зверь был полон злобы и просто не мог удержаться от рычания; это спасло Питера — иначе волк тут же схватил бы его за горло. Всё дальнейшее произошло так быстро, что Питер не успел ничего осознать: он

увернулся от волчьей пасти и изо всех сил вонзил меч между передними лапами волка, прямо тому в сердце.

Несколько секунд пронеслись как в страшном сне. Волк боролся со смертью, его оскаленные зубы коснулись лба Питера. Мальчику казалось, что всё кругом — лишь кровь и волчья шерсть. А ещё через мгновение чудовище лежало мёртвым у его ног. Питер с трудом вытащил у него из груди меч, выпрямился и вытер пот, заливавший ему глаза. Всё тело ломило от напряжения.

Через минуту Сьюзен слезла с дерева. От пережитого волнения оба они еле стояли на ногах, и — не стану скрывать — оба не могли удержаться от слез и поцелуев. Но в Нарнии это никому не ставят в упрёк.

— Скорей! Скорей! — раздался голос Аслана. — Кентавры! Орлы! Я вижу в чаще ещё одного волка. Вон там, за вами. Он только что бросился прочь. В погоню! Он побежит к своей хозяйке. Это поможет нам найти Колдунью и освободить четвёртого из детей Адама и Евы!

И тут же с топотом копыт и хлопаньем крыльев самые быстрые из фантастических созданий скрылись в сгущающейся тьме.

Питер, все ещё не в силах отдышаться, обер-

нулся на голос Аслана и увидел, что тот стоит рядом с ним.

— Ты забыл вытереть меч, — сказал Аслан.

Так оно и было. Питер покраснел, взглянув на блестящее лезвие и увидев на нём волчью кровь. Он наклонился, насухо вытер меч о траву, а затем — о полу своей куртки.

— Дай мне меч и стань на колени, сын Адама и Евы, — сказал Аслан.

Питер выполнил его приказ.

Коснувшись повёрнутым плашмя лезвием его плеча, Аслан произнёс:

— Встаньте, сэр Питер, Гроза Волков. И что бы с вами ни случалось, не забывайте вытирать свой меч.

Глава тринадцатая

Тайная магия давних времён

А теперь пора вернуться к Эдмунду. Они всё

шли и шли. Раньше он ни за что не поверил бы, что вообще можно так долго идти пешком. И вот наконец, когда они очутились в мрачной лощине под тенью огромных тисов и елей, Колдунья объявила привал. Эдмунд тут же бросился ничком на землю. Ему было всё равно, что с ним потом случится, лишь бы сейчас ему дали спокойно полежать. Он так устал, что не чувствовал ни голода, ни жажды. Колдунья и гном негромко переговаривались где-то рядом.

— Нет, — сказал гном, — теперь это бесполезно, о королева! Они уже, наверно, дошли до Каменного Стола.

— Будем надеяться, Могрим найдёт нас и сообщит все новости, — сказала Колдунья.

— Если и найдёт, вряд ли это будут хорошие новости, — сказал гном.

— В Кэр-Паравале четыре трона, — сказала Колдунья. — А если только три из них окажутся заняты? Ведь тогда предсказание не исполнится.

— Какая разница? Главное, что *он* здесь, — сказал гном. Он всё ещё не осмеливался назвать Аслана по имени, говоря со своей повелительницей.

— Он не обязательно останется здесь надолго. А когда он уйдет, мы нападём на тех трёх в Кэре.

— И все же лучше придержать этого, — здесь он пнул ногой Эдмунда, — чтобы вступить *с ними* в сделку.

— Ну да! И дождаться, что его освободят! — насмешливо сказала Колдунья.

— Тогда, — сказал гном, — лучше сразу же исполнить то, что следует.

— Я бы предпочла сделать это на Каменном Столе, — сказала Колдунья. — Там, где положено. Где делали это испокон веку.

— Ну, теперь не скоро наступит то время, когда Каменным Столом станут пользоваться так, как положено, — возразил гном.

— Верно, — сказала Колдунья. — Что ж, я начну.

В эту минуту из леса с воем выбежал волк и кинулся к ним.

— Я их видел. Все трое у Каменного Стола вместе с *ним*. Они убили Могрима, моего капитана. Один из сыновей Адама и Евы его убил. Я спрятался в чаще и всё видел. Спасайтесь! Спасайтесь!

— Зачем? — сказала Колдунья. — В этом нет никакой нужды. Отправляйся и собери всех наших. Пусть они как можно скорее прибудут сюда. Позови великанов, оборотней и духов тех деревьев, которые на моей стороне. Позови упырей,

людоедов и минотавров. Позови леших, позови вурдалаков и ведьм. Мы будем сражаться. Разве нет у меня волшебной палочки?! Разве я не могу превратить их всех в камень, когда они станут на нас наступать?! Отправляйся быстрей. Мне надо покончить тут с одним небольшим дельцем.

Огромный зверь наклонил голову, повернулся и поскакал прочь.

— Так, — сказала Колдунья, — стола у нас здесь нет… Дай подумать… Лучше поставим его спиной к дереву.

Эдмунда пинком подняли с земли. Гном подвёл его к дубу и крепко-накрепко привязал. Эдмунд увидел, что Колдунья сбрасывет плащ, увидел её голые, белые как снег руки. Только потому он их и увидел, что они были белые, — в тёмной лощине под тёмными деревьями было так темно, что ничего другого он разглядеть не мог.

— Приготовь жертву, — сказала Кол-дунья.

Гном расстегнул у Эдмунда воротник рубашки и откинул его. Потом схватил его за волосы и потянул голову назад, так что подбородок задрался вверх. Эдмунд услышал странный звук: вжик-вжик-вжик… Что бы это могло быть? И вдруг он понял. Это точили нож.

В ту же минуту послышались другие звуки —

громкие крики, топот копыт, хлопанье крыльев и яростный вопль Колдуньи. Поднялись шум и суматоха, а затем мальчик почувствовал, что его развязывают и поднимают чьи-то сильные руки, услышал добрые басистые голоса:

— Пусть полежит… дайте ему вина… ну-ка, выпей глоточек… сейчас тебе станет лучше.

А затем они стали переговариваться между собой:

— Кто поймал Колдунью?

— Я думал, ты.

— Я не видел её после того, как выбил у неё из рук нож.

— Я гнался за гномом… Неужели она сбежала?

— Не мог же я помнить обо всём сразу… А это что?

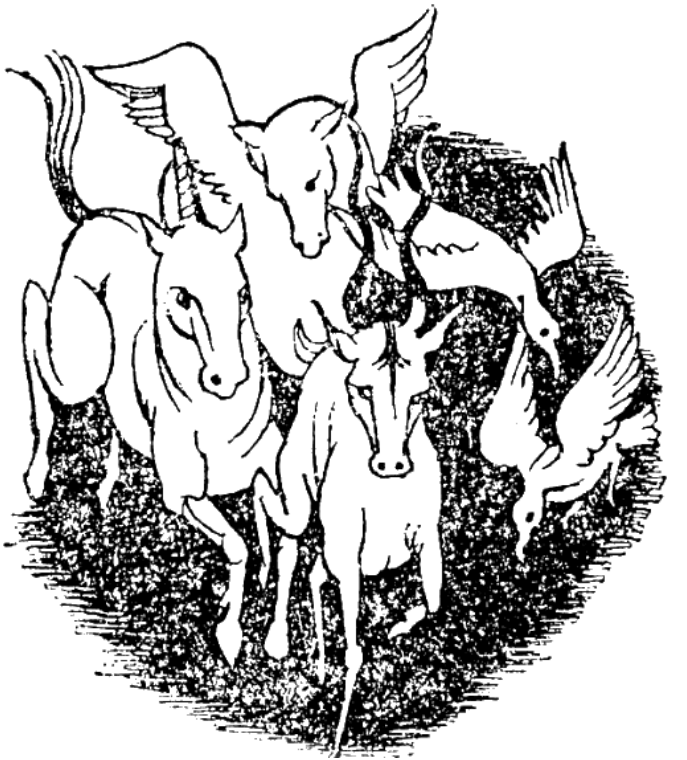
— Да ничего, просто старый пень.

Тут Эдмунд окончательно потерял сознание.

Вскоре кентавры, единороги, олени и птицы (те самые, которых Аслан отправил спасать Эдмунда в предыдущей главе) двинулись обратно к Каменному Столу, неся с собой Эдмунда. Узнай они, что произошло в лощине после того, как они ушли, они бы немало удивились.

Было совершенно тихо. Вскоре на небе взошла луна, свет её становился все ярче и ярче. Если

бы вы там оказались, вы заметили бы в ярком лунном свете старый пень и довольно крупный валун. Но присмотрись вы к ним поближе, вам почудилось бы в них что-то странное — вы подумали бы, например, что валун удивительно похож на маленького толстячка, скорчившегося на земле. А если бы вы запаслись терпением, вы увидели бы, как валун подходит к пеньку, а пенёк поднимается и начинает что-то ему говорить. Ведь на самом деле пень и валун были гном и Колдунья. Одной из её колдовских штучек было так заколдовать кого угодно, да и себя тоже, чтобы их нельзя было узнать. И вот, когда у неё вышибли нож из рук, она не растерялась и превратила себя и гнома в валун и пень. Волшебная палочка осталась у неё и тоже была спасена.



Когда Питер, Сьюзен и Люси проснулись на следующее утро — они проспали всю ночь в шатре на груде подушек, — миссис Бобриха рассказала им первым делом, что накануне вечером их бра-

та спасли из рук Колдуньи и теперь он здесь, в лагере, беседует с Асланом.

Они вышли из шатра и увидели, что Аслан и Эдмунд прогуливаются рядышком по росистой траве в стороне от всех остальных. Вовсе не обязательно пересказывать вам — да никто этого и не слышал, — что именно говорил Аслан, но Эдмунд помнил его слова всю жизнь. Когда ребята приблизились, Аслан повернулся им навстречу.

— Вот ваш брат. И… совсем ни к чему вспоминать то, что уже позади.

Эдмунд всем по очереди пожал руки и сказал каждому: «Прости меня», и каждый из них ответил: «Ладно, о чём толковать». А затем им захотелось произнести что-нибудь самое обыденное и простое, показать, что они снова друзья, и, конечно, никто из них — хоть режь! — ничего не мог придумать. Им уже становилось неловко, но тут появился один из леопардов и, обратившись к Аслану, проговорил:

— Ваше величество, посланец врага испрашивает у вас аудиенцию.

— Пусть приблизится, — сказал Аслан.

Леопард ушёл и вскоре вернулся с гномом.

— Что ты желаешь мне сообщить, сын Земных Недр? — спросил Аслан.

— Королева Нарнии, Императрица Одиноких Островов просит ручательства в том, что она может без опасности для жизни прийти сюда и поговорить с вами о деле, в котором вы заинтересованы не меньше, чем она.

— «Королева Нарнии», как бы не так… — проворчал мистер Бобр. — Такого нахальства я ещё…

— Спокойно, Бобр, — сказал Аслан. — Скоро все титулы будут возвращены законным правителям. А пока не будем спорить. Скажи своей повелительнице, сын Земных Недр, что я ручаюсь за её безопасность, если она оставит свою волшебную палочку под тем большим дубом, прежде чем подойти сюда.

Гном согласился на это, и леопарды пошли вместе с ним, чтобы проследить, будет ли выполнено это условие.

— А вдруг она обратит леопардов в камень? — шепнула Люси Питеру.

Я думаю, эта же мысль пришла в голову самим леопардам; во всяком случае, шерсть у них на спине встала дыбом и хвосты поднялись трубой, как у котов при виде чужой собаки.

— Всё будет в порядке, — шепнул Питер ей в ответ. — Аслан не послал бы их, если бы не был

уверен в их безопасности.

Через несколько минут Колдунья собственной персоной появилась на вершине холма, пересекла поляну и стала перед Асланом. При взгляде на нее у Питера, Люси и Сьюзен — ведь они не видели её раньше — побежали по спине мурашки; среди зверей раздалось тихое рычание. Хотя на небе ярко сияло солнце, всем внезапно стало холодно. Спокойно себя чувствовали, по-видимому, только Аслан и сама Колдунья. Странно было видеть эти два лика — золотой и бледный как смерть — так близко друг от друга. Правда, прямо в глаза Аслану Колдунья всё же посмотреть не смогла; миссис Бобриха нарочно следила за ней.

— Среди вас есть предатель, Аслан, — сказала Колдунья.

Конечно, все, кто там были, поняли, что она имеет в виду Эдмунда. Но после всего того, что с ним произошло, и утренней беседы с Асланом сам Эдмунд меньше всего думал о себе. Он по-прежнему не отрывал взора от Аслана; казалось, для него не имеет значения, что говорит Колдунья.

— Ну и что, — ответил Аслан. — Его предательство было совершено по отношению к другим, а не к вам.

— Вы забыли Тайную Магию? — спросила Кол-

дунья.

— Предположим, забыл, — печально ответил Аслан. — Расскажите нам о Тайной Магии.

— Рассказать вам? — повторила Колдунья, и голос её вдруг стал ещё пронзительнее. — Рассказать, что написано на том самом Каменном Столе, возле которого мы стоим? Рассказать, что высечено, словно ударами копья, на жертвенном камне Заповедного Холма? Вы не хуже меня знаете Магию, которой подвластна Нарния с давних времен. Вы знаете, что, согласно ей, каждый предатель принадлежит мне. Он — моя законная добыча, за каждое предательство я имею право убить.

— А-а, — протянул мистер Бобр, — вот почему, оказывается, вы вообразили себя королевой: потому что вас назначили палачом!

— Спокойно, Бобр, — промолвил Аслан и тихо зарычал.

— Поэтому, — продолжала Колдунья, — это человеческое отродье — моё. Его жизнь принадлежит мне, его кровь — мое достояние.

— Что ж, тогда возьми его! — проревел бык с головой человека.

— Дурак, — сказала Колдунья, и жестокая улыбка скривила ей губы. — Неужели ты думаешь,

твой повелитель может силой лишить меня моих законных прав? Он слишком хорошо знает, что такое Тайная Магия. Он знает, что если я не получу крови, как о том сказано в Древнем Законе, Нарния погибнет от огня и воды.

— Истинная правда, — сказал Аслан. — Я этого не отрицаю.

— О Аслан, — зашептала Сьюзен ему на ухо. — Мы не можем… я хочу сказать: ты не отдашь его, да? Неужели ничего нельзя сделать против Тайной Магии? Может быть, можно как-нибудь подействовать на неё?

— Подействовать на Тайную Магию? — переспросил Аслан, обернувшись к девочке, и нахмурился. И никто больше не осмелился с ним заговорить.

Всё это время Эдмунд стоял по другую сторону от Аслана и неотступно смотрел на него. У Эдмунда перехватило горло, он подумал, не следует ли ему что-нибудь сказать, но тут же почувствовал, что от него ждут одного: делать то, что ему скажут.

— Отойдите назад, — сказал Аслан. — Я хочу поговорить с Колдуньей с глазу на глаз.

Все повиновались. Ах, как ужасно было ждать, ломая голову над тем, о чём так серьёзно беседу-

ют вполголоса Лев и Колдунья!

— Ах, Эдмунд! — сказала Люси и расплакалась.

Питер стоял спиной ко всем остальным и глядел на далёкое море. Бобр и Бобриха взяли друг друга за лапы и свесили головы. Кентавры беспокойно переступали копытами. Но под конец все перестали шевелиться. Стали слышны даже самые тихие звуки: гудение шмеля, пение птиц далеко в лесу и шелест листьев на ветру. А беседе Аслана и Колдуньи всё не было видно конца.

Наконец раздался голос Аслана:

— Можете подойти, — сказал он. — Я всё уладил. Она отказывается от притязаний на жизнь вашего брата.

И над поляной пронёсся вздох, словно всё это время они сдерживали дыхание и только теперь вздохнули полной грудью. Затем все разом заговорили.

Лицо Колдуньи светилось злобным торжеством. Она пошла было прочь, но вновь остановилась и сказала:

— Откуда мне знать, что обещание не будет нарушено?

— Гр-р-р! — взревел Аслан, приподнимаясь на задние лапы. Пасть его раскрывалась всё шире и шире, рычание становилось всё громче и громче,

и Колдунья, вытаращив глаза и разинув рот, подобрала юбки и пустилась наутёк.

Глава четырнадцатая
Триумф Колдуньи

Как только Колдунья скрылась из виду, Аслан сказал:

— Нам надо перебираться отсюда, это место понадобится для других целей. Сегодня вечером мы разобьём лагерь у брода через Беруну.

Конечно, все умирали от желания узнать, как

ему удалось договориться с Колдуньей, но вид у Льва был по-прежнему суровый, в ушах у всех ещё звучал его грозный рык, и никто не отважился ни о чём его спрашивать.

Солнце уже высушило траву, и они позавтракали прямо на лужайке под открытым небом. Затем все занялись делом: одни сворачивали шатёр, другие собирали вещи. Вскоре после полудня они снялись с места и пошли к северо-востоку: шли не спеша, ведь идти было недалеко.

По пути Аслан объяснил Питеру свой план военной кампании:

— Как только Колдунья покончит с делами в этих краях, — сказал он, — она вместе со своей сворой наверняка отступит к замку и приготовится к обороне. Возможно, тебе удастся перехватить её на пути туда, но поручиться за это нельзя.

Затем Аслан нарисовал в общих чертах два плана битвы: один — если сражаться с Колдуньей и её сторонниками придётся в лесу, другой — если надо будет нападать на её замок. Он дал Питеру множество советов, как вести военные действия, например: «Ты должен поместить кентавров туда-то и туда-то», — или: «Ты должен выслать разведчиков, чтобы убедиться, что она не делает того-то и того-то». Наконец Питер сказал:

— Но ведь ты будешь с нами, Аслан.

— Этого я тебе обещать не могу, — ответил Аслан и продолжал давать Питеру указания.

Вторую половину пути Аслан не покидал Сьюзен и Люси. Но почти не говорил с ними и показался им очень печальным.

Ещё не наступил вечер, когда они вышли к широкому плёсу там, где долина расступилась в стороны, а река стала мелкой. Это были броды Беруны. Аслан отдал приказ остановиться на ближнем берегу, но Питер сказал:

— А не лучше ли разбить лагерь на том берегу? Вдруг Колдунья нападёт на нас ночью?

Аслан, задумавшийся о чём-то, встрепенулся, встряхнул гривой и спросил:

— Что ты сказал?

Питер повторил свои слова.

— Нет, — ответил Аслан глухо и безучастно. — Нет, этой ночью она не станет на нас нападать. — И он глубоко вздохнул. Но тут же добавил: — Всё равно хорошо, что ты об этом подумал. Воину так и положено. Только сегодня это не имеет значения.

И они принялись разбивать лагерь там, где он указал.

Настроение Аслана передалось остальным.

Питеру к тому же было не по себе от мысли, что ему придется на свой страх и риск сражаться с Колдуньей. Он не ожидал, что Аслан покинет их, и известие об этом его потрясло. Ужин прошёл в молчании. Все чувствовали, что этот вечер сильно отличается от вчерашнего вечера и даже от сегодняшнего утра. Словно хорошие времена, не успев начаться, уже подходят к концу.

Чувство это настолько овладело Сьюзен, что, улегшись спать, она никак не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок, считала белых слонов: «Один белый слон, два белых слона, три белых слона…» — но сон все не шёл к ней. Тут она услышала, как Люси протяжно вздохнула и заворочалась рядом с ней в темноте.

— Тоже не можешь уснуть? — спросила Сьюзен.

— Да, — ответила Люси. — Я думала, ты спишь. Послушай, Сью!

— Что?

— У меня такое ужасное чувство… словно над нами нависла беда.

— Правда? Честно говоря, у меня тоже.

— Это связано с Асланом, — сказала Люси. — То ли с ним случится что-нибудь ужасное, то ли он сам сделает что-то ужасное.

— Да, он был сам на себя не похож весь день, — согласилась Сьюзен. — Люси, что это он говорил, будто его не будет с нами во время битвы? Как ты думаешь, он не хочет потихоньку уйти сегодня ночью и оставить нас одних?

— А где он сейчас? — спросила Люси. — Здесь, в шатре?

— По-моему, нет.

— Давай выйдем и посмотрим. Может быть, мы его увидим.

— Давай, — согласилась Сьюзен, — всё равно нам не уснуть.

Девочки тихонько пробрались между спящих и выскользнули из шатра. Светила яркая луна, не было слышно ни звука, кроме журчания реки, бегущей по камням. Вдруг Сьюзен схватила Люси за руку и шепнула:

— Гляди!

На самом краю поляны, там, где уже начинались деревья, они увидели Льва — он медленно уходил в лес. Девочки, не обменявшись ни словом, пошли следом за ним.

Он поднялся по крутому склону холма и свернул вправо. Судя по всему, он шёл тем самым путем, каким привел их сюда сегодня днём. Он шёл всё дальше и дальше, то скрываясь в густой

тени, то показываясь в бледном свете луны. Ноги девочек скоро промокли от росы. Но что сделалось с Асланом? Таким они его ещё не видели. Голова его опустилась, хвост обвис, и шёл он медленно-медленно, словно очень-очень устал. И вот в тот момент, когда они пересекали открытое место, где не было ни тени и невозможно было укрыться, Лев вдруг остановился и посмотрел назад. Убегать было бесполезно, и девочки подошли к нему. Когда они приблизились, он сказал:

— Ах, дети, дети, зачем вы идёте за мной?

— Мы не могли уснуть, — промолвила Люси и тут почувствовала, что не нужно больше ничего говорить, что Аслан и так знает их мысли.

— Можно нам пойти с тобой вместе… пожалуйста, куда бы ты ни шёл? — попросила Сьюзен.

— Вместе… — сказал Аслан и задумался. Затем сказал: — Да, вы можете пойти со мной, я буду рад побыть с друзьями сегодня ночью. Но обещайте, что остановитесь там, где я скажу, и не станете мешать мне идти дальше.

— О, спасибо! Спасибо! Мы сделаем всё, как ты велишь! — воскликнули девочки.

И вот они снова пустились в путь. Лев — посредине, девочки — по бокам. Но как медленно он шёл! Его большая царственная голова опустилась

так низко, что нос чуть не касался травы. Вот он споткнулся и издал тихий стон.

— Аслан! Милый Аслан! — прошептала Люси. — Что с тобой? Ну скажи нам.

— Ты не болен, милый Аслан? — спросила Сьюзен.

— Нет, — ответил Аслан. — Мне грустно и одиноко. Положите руки мне на гриву, чтобы я чувствовал, что вы рядом.

И вот сёстры сделали то, что им так хотелось сделать с первой минуты, как они увидели Льва, но на что они никогда не отважились бы без его разрешения, — они погрузили озябшие руки в его прекрасную гриву и принялись гладить её. И так они шли всю остальную дорогу. Вскоре девочки поняли, что поднимаются по склону холма, на котором стоял Каменный Стол. Их путь лежал по той стороне склона, где деревья доходили почти до самой вершины; и когда они поравнялись с последним деревом, Аслан остановился и сказал:

— Дети, здесь вы должны остаться. И что бы ни случилось, постарайтесь, чтобы вас никто не заметил. Прощайте.

Девочки горько расплакались, хотя сами не могли бы объяснить почему, прильнули ко Льву и стали целовать его гриву, нос, лапы и боль-

шие печальные глаза. Наконец он повернулся и пошёл от них прочь, прямо на вершину холма. Люси и Сьюзен, спрятавшись в кустах, смотрели ему вслед.

Вот что они увидели.

Вокруг Каменного Стола собралась большая толпа. Хотя луна светила по-прежнему ярко, многие держали факелы, горящие зловещим красным пламенем и окутавшие всё чёрным

дымом. Кого там только не было! Людоеды с огромными зубами, громадные волки, существа с туловищем человека и головой быка, уродливые ведьмы, духи злых деревьев и ядовитых растений и другие страшилища, которых я не стану описывать, не то взрослые запретят вам читать эту книжку, — джинны, кикиморы, домовые, лешие и прочая нечисть. Одним словом, все те, кто был на стороне Колдуньи и кого волк собрал здесь по её приказу. А прямо у Каменного Стола стояла сама Белая Колдунья.

Увидев приближающегося к ним Льва, чудища взвыли от ужаса, какой-то миг сама Колдунья казалась объятой страхом. Но тут же оправилась и разразилась неистовым и яростным хохотом.

— Глупец! — вскричала она. — Глупец пришел! Скорее вяжите его!

Люси и Сьюзен затаив дыхание ждали, что Аслан с рёвом кинется на врагов. Но этого не произошло. С ухмылками и насмешками, однако, не решаясь поначалу близко к нему подойти и сделать то, что им велено, к Аслану стали приближаться четыре ведьмы.

— Вяжите его, кому сказано! — повторила Белая Колдунья.

Ведьмы кинулись на Аслана и торжествующе

завизжали, увидев, что тот не думает сопротивляться. Тогда все остальные бросились на помощь. Обрушившись на него всем скопом, они свалили огромного Льва на спину и принялись связывать его. Они издавали победные крики, словно совершили невесть какой подвиг. Однако он не шевельнулся, не испустил ни звука, даже когда его враги так затянули веревки, что они врезались ему в тело. Связав Льва, они потащили его к Каменному Столу.

— Стойте! — сказала Колдунья. — Сперва надо его остричь.

Под взрывы злобного гогота из толпы вышел людоед с ножницами в руках и присел на корточки возле Аслана. Чик-чик-чик, — щелкали ножницы, и на землю дождем сыпались золотые завитки. Когда людоед поднялся, девочки увидели из своего убежища совсем другого Аслана — голова его казалась такой маленькой без гривы! Враги Аслана тоже увидели, как он изменился.

— Гляньте, да это просто большая кошка! — закричал один.

— И *его*-то мы боялись! — воскликнул другой.

Столпившись вокруг Аслана, они принялись насмехаться над ним. «Кис-кис-кис!» — кричали

они. «Сколько мышей ты поймал сегодня?» — «Не хочешь ли молока, киска?»

— Ах, как они *могут*... — всхлипнула Люси. Слезы ручьями катились у неё по щекам. — Скоты! Мерзкие скоты!

Когда прошло первое потрясение, Аслан, лишённый гривы, стал казаться ещё более смелым, более прекрасным, чем раньше.

— Наденьте на него намордник! — приказала Колдунья.

Даже сейчас, когда на него натягивали намордник, одно движение его огромной пасти — и двое или трое из них остались бы без рук и лап. Но Лев по-прежнему не шевелился. Казалось, это привело врагов в ещё большую ярость. Все, как один, они набросились на него. Даже те, кто боялся подойти к нему, уже связанному, теперь осмелели. Несколько минут Аслана совсем не было видно — так плотно обступил его весь этот сброд. Чудища пинали его, били, плевали на него, насмехались над ним.

Наконец это им надоело, и они поволокли связанного Льва к Каменному Столу. Аслан был такой огромный, что, когда они притащили его туда, им всем вместе еле-еле удалось взгромоздить его на Стол. А затем они ещё туже затянули веревки.

— Трусы! Трусы! — рыдала Сьюзен. — Они всё ещё боятся его! Даже сейчас.

Но вот Аслана привязали к плоскому камню. Теперь он казался сплошной массой веревок. Все

примолкли. Четыре ведьмы с факелами в руках стали у четырёх углов Стола. Колдунья сбросила плащ, как и в прошлую ночь, только сейчас перед ней был Аслан, а не Эдмунд. Затем принялась точить нож. Когда на него упал свет от факелов, девочки увидели, что нож этот — причудливой и зловещей формы — каменный, а не стальной.

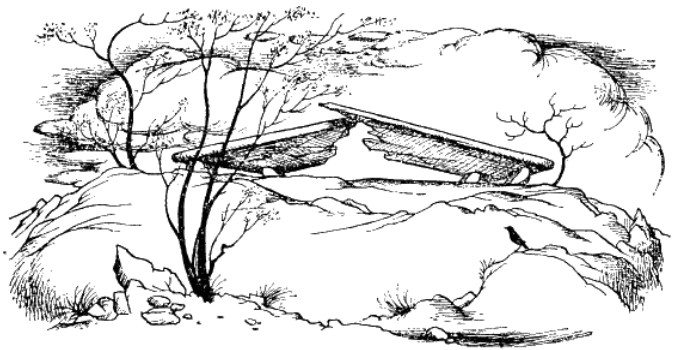
Наконец Колдунья подошла ближе и встала у головы Аслана. Лицо её исказилось от злобы, но Аслан по-прежнему глядел на небо, и в его глазах не было ни гнева, ни боязни — лишь печаль. Колдунья наклонилась и перед тем, как нанести удар, проговорила торжествующе:

— Ну, кто из нас выиграл? Глупец, неужели ты думал, что своей смертью спасёшь человеческое отродье? Этого предателя-мальчишку? Я убью тебя вместо него, как мы договорились; согласно Тайной Магии, жертва будет принесена. Но когда ты будешь мёртв, что помешает мне убить и его тоже? Кто тогда вырвет его из моих рук? Четвёртый трон в Кэр-Паравале останется пустым. Ты навеки отдал мне Нарнию, потерял свою жизнь и не избавил от смерти предателя. А теперь, зная это, умри!

Люси и Сьюзен не видели, как она вонзила нож. Им было слишком тяжко на это смотреть, и

они зажмурили глаза. Поэтому они не видели и другого — как в ответ на слова Колдуньи Аслан улыбнулся и в его глазах сверкнула радость.

Глава пятнадцатая
Тайная магия ещё более старо-давних времён



Девочки всё ещё сидели в кустах, закрыв лицо руками, когда они услышали голос Колдуньи:

— Все за мной, и мы покончим с врагами. Теперь Большой Глупец, Большой Кот умер. Мы быстро справимся с предателями и с человечьим отродьем.

Следующие несколько минут могли окончиться для сестёр печально. Под дикие крики, плач волынок и пронзительное завывание рогов вся орда злобных чудищ помчалась вниз по склону

мимо того места, где притаились Люси и Сьюзен. Девочки чувствовали, как холодным ветром несутся мимо духи, как трясётся земля под тяжёлыми копытами минотавров, как хлопают над головой чёрные крылья грифов и летучих мышей. В другое время они дрожали бы от страха, но сейчас сердца их были полны скорби, и они думали лишь о позорной и ужасной смерти Аслана.

Как только стихли последние звуки, Сьюзен и Люси прокрались на вершину холма. Луна уже почти зашла, лёгкие облака то и дело застилали её, но опутанный верёвками мертвый Лев всё ещё был виден на фоне неба. Люси и Сьюзен опустились на колени в сырой траве и стали целовать его и гладить прекрасную гриву, вернее, то, что от неё осталось. Они плакали, пока у них не заболели глаза. Тогда они посмотрели друг на друга, взялись за руки, чтобы не чувствовать себя так одиноко, и снова заплакали, и снова замолчали. Наконец Люси сказала:

— Не могу глядеть на этот ужасный намордник. Может быть, нам удастся его снять?

Они попробовали стащить его. Это было не так-то просто, потому что пальцы у них онемели от холода и стало очень темно, но всё же наконец им удалось это сделать. И тут они снова принялись

плакать, и гладить львиную морду, и стирать с неё кровь и пену. Я не могу описать, как им было одиноко, как страшно, как тоскливо.

— Как ты думаешь, нам удастся развязать его? — сказала Сьюзен.

Но злобные чудища так затянули веревки, что девочки не смогли распутать узлы.

Я надеюсь, что никто из ребят, читающих эту книгу, никогда в жизни не бывал таким несчастным, какими были Сьюзен и Люси. Но если вы плакали когда-нибудь всю ночь, пока у вас не осталось ни единой слезинки, вы знаете, что под конец вас охватывает какое-то оцепенение, чувство, что никогда больше ничего хорошего не случится. Во всяком случае, так казалось Люси и Сьюзен. Час проходил за часом, становилось всё

холодней и холодней, а они ничего не замечали. Но вот Люси увидела, что небо на востоке стало чуть-чуть светлее. Увидела она и ещё кое-что: в траве у её ног шмыгали какие-то существа. Сперва она не обратила на них внимания. Не всё ли равно? Ей теперь всё было безразлично. Но вскоре ей показалось, что эти существа — кто бы они ни были — начали подниматься по ножкам Стола и теперь бегают по телу Аслана. Она наклонилась поближе и разглядела каких-то серых зверушек.

— Фу! — воскликнула Сьюзен, сидевшая по другую сторону Стола. — Какая гадость! Противные мыши! Убирайтесь отсюда! — И она подняла руку, чтобы их согнать.

— Погоди, — сказала Люси, всё это время не сводившая с мышей глаз. — Ты видишь?

Девочки наклонились и стали всматриваться.

— Мне кажется… — сказала Сьюзен. — Как странно! Они грызут веревки!

— Так я и думала, — сказала Люси. — Эти мыши — друзья. Бедняжки, они не понимают, что он мёртвый. Они хотят помочь ему, освободить от пут.

Тем временем почти рассвело. Девочки уже различали лица друг друга — ну и бледные они были! Увидели и мышей, перегрызавших верев-

ки: сотни маленьких полевых мышек. Наконец одна за другой все веревки были разгрызены.

Небо на востоке совсем побледнело, звёзды стали тусклей, все, кроме одной большой звезды над горизонтом. Стало ещё холодней.

Мыши разбежались, и девочки сбросили с Аслана обрывки верёвок. Без них Аслан был больше похож на себя. С каждой минутой становилось светлее, и им всё легче было его разглядеть. В лесу, за спиной, чирикнула птица. Девочки даже вздрогнули — ведь много часов подряд тишину не нарушал ни один звук. Другая птица просвистела что-то в ответ. Скоро весь лес звенел от птичьих голосов.

Ночь кончилась, в этом не было никакого сомнения. Началось утро.

— Я так озябла, — сказала Люси.

— И я, — сказала Сьюзен. — Давай походим.

Они подошли к восточному склону холма и поглядели вниз. Большая звезда исчезла. Лес внизу казался чёрным, но вдали, у самого горизонта, светилась полоска моря. Небо розовело. Девочки ходили взад и вперёд, стараясь хоть немного согреться. Ах, как они устали! Они еле переставляли ноги. На минутку они остановились, чтобы взглянуть на море и Кэр-Параваль. Только сейчас

они смогли его различить. На их глазах красная полоска между небом и морем стала золотой, и медленно-медленно из воды показался краешек солнца. В этот миг они услышали за спиной громкий треск, словно великан разбил свою великанскую чашку.

— Что это?! — вскричала Люси, хватая Сьюзен за руку.

— Я… я боюсь взглянуть, — сказала Сьюзен. — Что там происходит? Мне страшно.

— Опять что-то делают с Асланом. Что-то нехорошее, — сказала Люси. — Пойдем скорей.

Она обернулась и потянула за собой Сьюзен.

Под лучами солнца всё выглядело совсем иначе, все цвета и оттенки изменились, и в первое мгновение они не поняли, что произошло. Но тут же увидели, что Каменный Стол рассечен глубокой трещиной на две половины, а Аслан исчез.

— Какой ужас… — расплакалась Люси. — Даже мёртвого они не могут оставить его в покое!

— Кто это сделал?! — воскликнула Сьюзен. — Что это значит? Снова Магия?

— Да, — раздался громкий голос у них за спиной. — Снова Магия.

Они обернулись. Перед ними, сверкая на солнце, потряхивая гривой — видно, она успела уже

отрасти, став ещё больше, чем раньше, — стоял… Аслан.

— Ах, Аслан! — воскликнули обе девочки, глядя на него со смешанным чувством радости и страха.

— Ты живой, милый Аслан? — сказала Люси.

— Теперь — да, — сказал Аслан.

— Ты не… не?.. — дрожащим голосом спросила Сьюзен. Она не могла заставить себя произнести слово «привидение».

Аслан наклонил золотистую гриву и лизнул её в лоб. В лицо ей ударило тёплое дыхание и пряный запах шерсти.

— Разве я на него похож? — сказал он.

— Ах, нет-нет, ты живой, ты настоящий! Ах, Аслан! — вскричала Люси, и обе девочки принялись обнимать и целовать его.

— Но что всё это значит? — спросила Сьюзен, когда они немного успокоились.

— А вот что, — сказал Аслан. — Колдунья знает Тайную Магию, уходящую в глубь времён. Но если бы она могла заглянуть ещё глубже, в тишину и мрак, которые были до того, как началась история Нарнии, она прочитала бы другие Магические Знаки. Она бы узнала, что когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле

взойдёт тот, кто ни в чём не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается, и сама смерть отступит перед ним. С первым лучом солнца. А теперь…

— Да-да, что теперь? — сказала Люси, хлопая в ладоши.

— Ах, дети, — сказал Лев. — Я чувствую, ко мне возвращаются силы. Ловите меня!

Секунду он стоял на месте. Глаза его сверкали, лапы подрагивали, хвост бил по бокам. Затем он подпрыгнул высоко в воздух, перелетел через девочек и опустился по другую сторону Стола. Сама не зная почему, хохоча во все горло, Люси вскарабкалась на Стол, чтобы схватить Аслана. Лев снова прыгнул. Началась погоня. Аслан описывал круг за кругом, то оставляя девочек далеко позади, то чуть не даваясь им в руки, то проскальзывая между ними, то подкидывая их высоко в воздух и снова ловя своими огромными бархатными лапами, то неожиданно останавливаясь как вкопанный, так что все трое кубарем катились на траву и нельзя было разобрать, где лапы, где руки, где ноги. Да, так возиться можно только в Нарнии. Люси не могла решить, на что это было больше похоже — на игру с грозой или с котёнком. И что самое забавное: когда, запыхав-

шись, они свалились наконец в траву, девочки не чувствовали больше ни усталости, ни голода, ни жажды.

— А теперь, — сказал Аслан, — за дело. Я чувствую, что сейчас зарычу. Заткните уши!

Так они и поступили. Когда Аслан встал и открыл пасть, готовясь зарычать, он показался им таким грозным, что они не осмелились глядеть на него. Они увидели, как от его рыка склонились деревья — так клонится трава под порывами ветра. Затем он сказал:

— Перед нами далёкий путь. Садитесь на меня верхом.

Лев пригнулся, и девочки вскарабкались на его тёплую золотистую спину: сперва села Сьюзен и крепко ухватилась за гриву, за ней — Люси и крепко ухватилась за Сьюзен. Вот он поднялся на ноги и помчался вперёд быстрее самого резвого скакуна сначала вниз по склону, затем в чащу леса.

Ах, как это было замечательно! Пожалуй, лучшее из всего того, что произошло с ними в Нарнии. Вы скакали когда-нибудь галопом на лошади? Представьте себе эту скачку, только без громкого стука копыт и звяканья сбруи, ведь огромные лапы Льва касались земли почти

бесшумно. А вместо вороной, серой или гнедой лошадиной спины представьте себе мягкую шершавость золотистого меха и гриву, струящуюся по ветру. А затем представьте, что вы летите вперёд в два раза быстрее, чем самая быстрая скаковая лошадь. И ваш скакун не нуждается в поводьях и никогда не устаёт. Он мчится всё дальше и дальше, не оступаясь, не сворачивая в стороны, ловко лавируя между стволами деревьев, перескакивая через кусты, заросли вереска и ручейки, переходя вброд речушки, переплывая глубокие реки. И вы несётесь на нём не по дороге, не в парке, даже не по вересковым пустошам, а через всю Нарнию, весной, по тенистым буковым перелескам, по солнечным дубовым прогалинам, через белоснежные сады дикой вишни, мимо ревущих водопадов, покрытых мхом скал и гулких пещер, вверх по обвеваемым ветром склонам, покрытым огненным дроком, через поросшие вереском горные уступы, вдоль головокружительных горных кряжей, а затем — вниз, вниз, вниз, вновь в лесистые долины и усыпанные голубыми цветами необозримые луга.

Незадолго до полудня они очутились на вершине крутого холма, у подножия которого они увидели замок — сверху он был похож на игру-

шечный, — состоявший, как им показалось, из одних островерхих башен. Лев мчался так быстро, что замок становился больше с каждой секундой, и, прежде чем они успели спросить себя, чей это замок, они уже были рядом с ним. Теперь замок не выглядел игрушечным. Он грозно вздымался вверх. Между зубцами стен никого не было видно, ворота стояли на запоре. Аслан, не замедляя бега, скакал к замку.

— Это дом Белой Колдуньи! — прорычал он. — Держитесь крепче!

В следующий миг им показалось, что весь мир перевернулся вверх дном. Лев подобрался для такого прыжка, какого ещё никогда не делал, и перепрыгнул — вернее было бы сказать — перелетел прямо через стену замка. Девочки, еле переводя дыхание, но целые и невредимые, скатились у него со спины и увидели, что они находятся посреди широкого, вымощенного камнем двора, полного статуй…

Глава шестнадцатая
Что произошло со статуями

— Какое странное место! — воскликнула Люси. — Сколько каменных животных… и других существ! Как будто… как будто мы в музее.

— Ш-ш, — прошептала Сьюзен. — Посмотри, что делает Аслан.

Да, на это стоило посмотреть. Одним прыжком он подскочил к каменному льву и дунул на него. Тут же обернулся кругом — точь-в-точь кот, охотящийся за своим хвостом, — и дунул на каменного гнома, который, как вы помните, стоял спиной ко льву в нескольких шагах от него. Затем кинулся к высокой каменной дриаде позади гнома. Свернул

в сторону, чтобы дунуть на каменного кролика, прыгнул направо к двум кентаврам. И тут Люси воскликнула:

— Ой, Сьюзен! Посмотри! Посмотри на льва!

Вы, наверное, видели, что бывает, если поднесли спичку к куску газеты. В первую секунду кажется, что ничего не произошло, затем вы замечаете, как по краю газеты начинает течь тонкая струйка огня. Нечто подобное они видели теперь. После того как Аслан дунул на каменного льва, по белой мраморной спине побежала крошечная золотая струйка. Она сделалась шире, ещё шире — казалось, льва охватило золотым пламенем, как огонь охватывает бумагу. Задние лапы и хвост были ещё каменные, но он тряхнул гривой, и все тяжелые каменные завитки заструились живым потоком. Лев открыл большую красную пасть и сладко зевнул, обдав девочек теплым дыханием. Но вот и задние лапы его ожили. Лев поднял одну из них и почесался. Затем, заметив Аслана, бросился вдогонку и принялся прыгать вокруг, повизгивая от восторга и пытаясь лизнуть его в нос.

Конечно, девочки не могли оторвать от него глаз, но когда они наконец отвернулись, то то, что они увидели, заставило их забыть про льва. *Все*

статуи, окружавшие их, оживали. Двор не был больше похож на музей, скорее он напоминал зоопарк. Вслед за Асланом неслась пляшущая толпа самых странных созданий, так что вскоре его почти не стало видно. Двор переливался теперь всеми цветами радуги: глянцевито-каштановые бока кентавров, синие рога единорогов, сверкающее оперение птиц, рыжий мех лисиц, красновато-коричневая шерсть собак и сатиров, жёлтые чулки и алые колпачки гномов, серебряные одеяния дев-берёзок, прозрачно-зелёные — буков и ярко-зелёные, до желтизны, одеяния дев-лиственниц. Все эти краски сменили мёртвую мраморную белизну. А на смену мёртвой тишине пришли радостное ржание, лай, рык, щебет, писк, воркование, топот копыт, крики, возгласы, смех и пение.

— Ой, — сказала Сьюзен изменившимся голосом. — Погляди! Это… это не опасно?

Люси увидела, что Аслан дует на ноги каменного великана.

— Не бойтесь! — весело прорычал Аслан. — Как только ноги оживут, всё остальное оживёт следом.

— Я совсем не то имела в виду, — шепнула сестре Сьюзен.

Но теперь поздно было что-нибудь предпринимать, даже если бы Аслан и выслушал её до конца. Вот великан шевельнулся. Вот поднял дубинку на плечо, протёр глаза и сказал:

— О-хо-хо! Я, верно, заснул. А куда девалась эта плюгавенькая Колдунья, которая бегала где-то тут, у меня под ногами?

Все остальные хором принялись объяснять ему, что здесь произошло. Он поднёс руку к уху и попросил их повторить всё с самого начала. Когда он, наконец, всё понял, он поклонился так низко, что голова его оказалась не выше, чем верхушка стога сена, и почтительно снял шапку перед Асланом, улыбаясь во весь рот. (Великанов так мало теперь в Англии и так редко встречаются среди них великаны с хорошим характером, что — бьюсь об заклад! — вы никогда не видели улыбающегося великана. А на это стоит посмотреть!)

— Ну, пора приниматься за замок, — сказал Аслан. — Живей, друзья. Обыщите все уголки снизу доверху и спальню самой хозяйки. Кто знает, где может оказаться какой-нибудь горемыка-пленник.

Они кинулись внутрь, и долгое время по всему тёмному, страшному, душному старому замку раздавался звук раскрываемых окон и перекличка голосов: «Не забудьте темницы...» — «Помоги

мне открыть эту дверь...» — «А вот ещё винтовая лестница... Ой, посмотри, здесь кенгуру, бедняжка... Позовите Аслана!.. Эй, наверху! Тут на лестничной площадке их целая куча!» А сколько было радости, когда Люси примчалась с криком:

— Аслан! Аслан! Я нашла мистера Тумнуса! Ой, пожалуйста, пойдём побыстрей туда!

И через минуту Люси и маленький фавн, взявшись за руки, весело пустились в пляс. Славному фавну ничуть не повредило то, что он был превращён в статую, он ничего об этом не помнил и, естественно, с большим интересом слушал всё, что рассказывала Люси.

Наконец друзья перестали обшаривать Колдуньину крепость. Замок её был пуст, двери и окна распахнуты настежь, свет и душистый весенний воздух залили все темные и угрюмые уголки, куда они так давно не попадали. Освобождённые Асланом пленники толпой высыпали во двор. И вот тут кто-то из них, кажется, мистер Тумнус, сказал:

— А как же мы выберемся отсюда? Ведь Аслан перескочил через стену, а ворота по-прежнему на запоре.

— Ну, это нетрудно, — ответил Аслан и, поднявшись во весь рост, крикнул великану: — Эй!.. Ты

— там, наверху!.. Как тебя зовут?

— Великан Рамблбаффин, с позволения вашей милости, — ответил великан, вновь приподнимая шапку.

— Прекрасно, великан Рамблбаффин, — сказал Аслан. — Выпустите-ка нас отсюда.

— Конечно, ваша милость. С большим удовольствием, — сказал великан Рамблбаффин. — Отойдите от ворот, малявки.

Он подошёл к воротам и — бац! бац! бац! — заработал своей огромной дубиной. От первого удара ворота заскрипели, от второго — затрещали, от третьего — развалились на куски. Тогда он принялся за башни, и через несколько минут башни, а заодно и хороший кусок возле каждой из них с грохотом обрушились на землю и превратились в груду обломков. Как было странно, когда улеглась пыль, стоя посреди каменного, без единой травинки мрачного двора, видеть через пролом в стене зелёные луга, и трепещущие под ветром деревья, и сверкающие ручьи в лесу, а за лесом — голубые горы и небо над ними.

— Чёрт меня побери, весь вспотел, — сказал великан, пыхтя, как паровоз. — Нет ли у вас носового платочка, молодые девицы?

— У меня есть, — сказала Люси, приподнимаясь

на носки и как можно дальше протягивая руку.

— Спасибо, мисс, — сказал Рамблбаффин и наклонился.

В следующую минуту Люси с ужасом почувствовала, что она взлетает в воздух, зажатая между большим и указательным пальцами великана. Но, приподняв её ещё выше, он вздрогнул и бережно опустил её на землю, пробормотав:

— О господи… Я подхватил саму девчушку… Простите, мисс, я думал, *вы — носовой платок*.

— Нет, я не платок, — сказала Люси и рассмеялась. — Вот он.

На этот раз Рамблбаффин умудрился его подцепить, но для него её платок был всё равно что для нас песчинка, поэтому, глядя, как он с серьёзным видом трёт им своё красное лицо, Люси сказала:

— Боюсь, вам от него мало проку, мистер Рамблбаффин.

— Вовсе нет, вовсе нет, — вежливо ответил великан. — Никогда не видел такого красивого платочка. Такой мягкий, такой удобный. Такой… не знаю даже, как его описать…

— Правда, симпатичный великан? — сказала Люси мистеру Тумнусу.

— О да! — ответил фавн. — Все Баффины такие. Одно из самых уважаемых великаньих семейств

в Нарнии. Не очень умны, возможно, — я не встречал ещё умных великанов, — но старинное семейство. С традициями. Вы понимаете, что я хочу сказать? Будь он другим, Колдунья не превратила бы его в камень.

В этот момент Аслан хлопнул лапами и призвал всех к тишине.

— Мы ещё не сделали всего того, что должны были сделать сегодня, — сказал он. — И если мы хотим покончить с Колдуньей до того, как наступит время ложиться спать, нужно немедленно выяснить, где идёт битва.

— И вступить в бой, надеюсь, — добавил самый большой кентавр.

— Разумеется, — сказал Аслан. — Ну, двинулись! Те, кто не может бежать быстро — дети, гномы, маленькие зверушки, — садятся верхом на тех, кто может, — львов, кентавров, единорогов, лошадей, великанов и орлов. Те, у кого хороший нюх, идут впереди с нами, львами, чтобы поскорей напасть на след врагов. Ну же, живей разбивайтесь на группы!

Поднялись гам и суматоха. Больше всех суетился второй лев. Он перебегал от группы к группе, делая вид, что очень занят, но в действительности — только чтобы спросить:

— Вы слышали, что он сказал? «С нами, львами». Это значит, с ним и со мной. «С нами, львами». Вот

за что я больше всего люблю Аслана. Никакого чванства, никакой важности. «С нами, львами». Значит, с ним и со мной. — Он повторял так до тех пор, пока Аслан не посадил на него трёх гномов, дриаду, двух кроликов и ежа. Это его немного угомонило.

Когда все были готовы — по правде говоря, распределить всех по местам Аслану помогала овчарка, — они тронулись в путь через пролом в стене. Сперва львы и собаки сновали из стороны в сторону и принюхивались, но вот залаяла одна из гончих — она напала на след. После этого не было потеряно ни минуты. Львы, собаки, волки и прочие хищники помчались вперёд, опустив носы к земле, а остальные, растянувшись позади них чуть не на милю, поспевали как могли. Можно было подумать, что идёт лисья охота, только изредка к звукам рогов присоединялось рычание второго льва, а то и более низкий и куда более грозный рык самого Аслана. След становился куда более явственным. Преследователи бежали все быстрей и быстрей. И вот, когда они приблизились к тому месту, где узкая лощина делала последний поворот, Люси услышала новые звуки — крики, вопли и лязг металла о металл.

Но тут лощина кончилась, и Люси поняла, от-

куда неслись эти звуки. Питер, Эдмунд и армия Аслана отчаянно сражались с ордой страшных чудищ, которых она видела прошлой ночью, только сейчас, при свете дня, они выглядели ещё страшнее, уродливее и злобнее. И стало их значительно больше. Армия Питера — они подошли к ней с тыла — сильно поредела. Все поле битвы было усеяно статуями — видимо, Колдунья пускала в ход волшебную палочку. Но теперь, судя по всему, она ею больше не пользовалась — она сражалась своим каменным ножом. И сражалась она против самого Питера. Они так ожесточённо бились, что Люси едва могла разобрать, что происходит. Нож и меч мелькали с такой быстротой, будто там было сразу три ножа и три меча. Эта пара была в центре поля. Со всех сторон, куда бы Люси ни взглянула, шёл ожесточённый бой.

— Прыгайте, дети! — закричал Аслан, и обе девочки соскользнули с его спины.

С рёвом, от которого содрогнулась вся Нарния от фонарного столба на западе до побережья моря на востоке, огромный зверь бросился на Белую Колдунью. На мгновение перед Люси мелькнуло её поднятое к Аслану лицо, полное ужаса и удивления. А затем Колдунья и Лев покатились клубком по земле. Тут все те, кого Аслан привёл

из замка Колдуньи, с воинственными криками кинулись на неприятеля. Гномы пустили в ход боевые топорики, великан — дубинку (да и ногами он передавил не один десяток врагов), кентавры — мечи и копыта, волки — зубы, единороги — рога. Усталая армия Питера кричала «Ура!», враги верещали, пришельцы орали, рычали, ревели — по всему лесу от края до края разносился страшный грохот сражения.

Глава семнадцатая
Погоня за Белым Оленем

Через несколько минут битва была закончена. Большинство врагов погибло во время первой атаки армии Аслана, а те, кто остался в живых, увидев, что Колдунья мертва, или спаслись бегством, или сдались в плен. И вот уже Аслан и Питер приветствуют друг друга крепким рукопожатием. Люси никогда ещё не видела Питера таким, как сейчас: лицо его было бледно и сурово, и он казался гораздо старше своих лет.

— Мы должны поблагодарить Эдмунда, Аслан, — услышала Люси слова Питера. — Нас бы

разбили, если бы не он. Колдунья размахивала своей палочкой направо и налево, и наше войско обращалось в камень. Но Эдмунда ничто не могло остановить. Добираясь до Колдуньи, он сразил трёх людоедов, стоявших на его пути. И когда он настиг её — она как раз обращала в камень одного из ваших леопардов, — у Эдмунда хватило ума обрушить удар меча на волшебную палочку, а не на Колдунью, не то он сам был бы превращен в статую. Остальные как раз и совершали эту ошибку. Когда её палочка оказалась сломанной, у нас появилась некоторая надежда… Ах, если бы мы не понесли таких больших потерь в самом начале сражения! Эдмунд тяжело ранен. Нам надо пойти к нему.

Друзья нашли Эдмунда за передовой линией на попечении миссис Бобрихи. Он был в крови, рот приоткрыт, лицо жуткого зеленоватого цвета.

— Быстрее, Люси, — сказал Аслан.

И тут Люси вдруг впервые вспомнила о целебном бальзаме, полученном ею в подарок от Деда Мороза. Руки девочки так дрожали, что она не могла вытащить пробку, но наконец ей это удалось, и она влила несколько капель в рот брату.

— У нас много других раненых, — напомнил ей Аслан, но Люси, не отрываясь, смотрела на блед-

ное лицо Эдмунда, гадая, помог ли ему бальзам.

— Я знаю, — нетерпеливо ответила она. — Погоди минутку.

— Дочь Адама и Евы, — повторил Аслан еще суровей, — другие тоже стоят на пороге смерти. Сколько же их ещё должно умереть из-за Эдмунда?

— О, прости меня, Аслан, — сказала Люси, вставая, и пошла за ним.

Следующие полчаса оба они были заняты делом: она возвращала жизнь раненым, он — тем, кто был обращён в камень. Когда она, наконец, освободилась и смогла вернуться к Эдмунду, он уже был на ногах и раны его исцелились. Люси давно — пожалуй, целую вечность — не видела, чтобы он выглядел так чудесно. По правде сказать, с того самого дня, как он пошёл в школу. Там-то, в этой ужасной школе, в компании дурных мальчишек, он и сбился с правильного пути. А теперь Эдмунд снова стал прежним и мог прямо смотреть людям в глаза.

И тут же, на поле боя, Аслан посвятил Эдмунда в рыцари.

— Интересно, — шепнула сестре Люси, — знает ли он, что сделал ради него Аслан? О чём на самом деле Аслан договорился с Колдуньей?

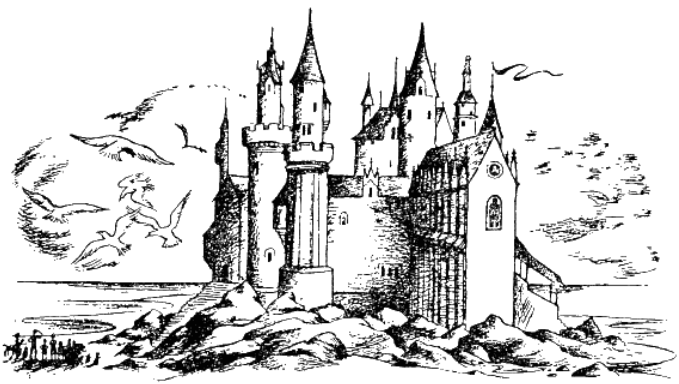
— Ш-ш-ш… Нет. Конечно, нет, — сказала Сьюзен.

— Как ты думаешь, рассказать ему? — спросила Люси.

— Разумеется, нет, — ответила Сьюзен. — Это будет для него ужасно. Подумай, как бы ты чувствовала себя на его месте.

— И всё-таки ему следовало бы знать, — сказала Люси.

Но тут их разговор прервали.



В ту ночь спали там, где их застали события. Как Аслан добыл еду для всех, я не знаю, но так или иначе около восьми часов вечера все они сидели на траве и пили чай. На следующий день

они двинулись на восток вдоль берега большой реки. И ещё через день, под вечер, пришли к её устью. Над ними возвышались башни замка Кэр-Параваль, стоящего на небольшом холме, перед ними были дюны, кое-где среди песков виднелись скалы, лужицы солёной воды и водоросли. Пахло морем, на берег накатывали одна за другой бесконечные сине-зелёные волны. А как кричали чайки! Вы когда-нибудь слышали их? Помните, как они кричат?

Вечером, после ужина, четверо ребят снова спустились к морю, скинули туфли и чулки и побегали по песку босиком. Но следующий день был куда более торжественным. В этот день в Большом Зале Кэр-Параваля — этом удивительном зале с потолком из слоновой кости, с дверью в восточной стене, выходящей прямо на море, и украшенной перьями западной стеной — в присутствии всех их друзей Аслан венчал ребят на царство. Под оглушительные крики: «Да здравствует король Питер! Да здравствует королева Сьюзен! Да здравствует король Эдмунд! Да здравствует королева Люси!» — он подвёл их к четырём тронам.

— Кто был хоть один день королём или королевой в Нарнии, навсегда останется здесь

королевой или королём. Несите достойно возложенное на вас бремя, сыновья и дочери Адама и Евы, — сказал он.

Через широко распахнутые двери в восточной стене послышались голоса сирен и тритонов, подплывших к берегу, чтобы пропеть хвалу новым правителям Нарнии.

И вот ребята сели на троны, и в руки им вложили скипетры, и они стали раздавать награды и ордена своим боевым друзьям: фавну Тумнусу и чете бобров, великану Рамблбаффину и леопардам, добрым кентаврам и добрым гномам, и льву — тому, который был обращён в камень. В ту ночь в Кэр-Паравале был большой праздник: пировали и плясали до утра. Сверкали золотые кубки, рекой лилось вино, и в ответ на музыку, звучавшую в замке, к ним доносилась удивительная, сладостная и грустная музыка обитателей моря.

Но пока шло это веселье, Аслан потихоньку выскользнул из замка. И когда ребята это заметили, они ничего не сказали, потому что мистер Бобр их предупредил:

— Аслан будет приходить и уходить, когда ему вздумается. Сегодня вы увидите его, а завтра нет. Он не любит быть привязанным к одному месту… и, понятное дело, есть немало других стран, где

ему надо навести порядок. Не беспокойтесь. Он будет к вам заглядывать. Только не нужно его принуждать. Ведь он же *не ручной* лев. Он все-таки дикий.

Как вы видите, наша история почти — но ещё не совсем — подошла к концу. Два короля и две королевы хорошо управляли своей страной. Царствование их было долгим и счастливым. Сперва они потратили много времени на то, чтобы найти оставшихся в живых приспешников Белой Колдуньи и уничтожить их. Ещё долго в диких уголках леса таились гадкие чудища. В одном месте являлась ведьма, в другом — рассказывали о кикиморе. Но наконец всё злое племя удалось истребить. Ребята ввели справедливые законы и поддерживали в Нарнии порядок, следили за тем, чтобы не рубили зря добрые деревья, освободили маленьких гномов и сатиров от дополнительных занятий в школе, наказывали всех тех, кто совал нос в чужие дела и вредил соседям, помогали тем, кто жил честно и спокойно и не мешал жить другим. Они прогнали дурных великанов (совсем не похожих на Рамблбаффина), когда те осмелились пересечь северную границу Нарнии. Заключали дружественные союзы с заморскими странами, наносили туда визиты на высшем уровне и устра-

ивали торжественные приёмы у себя.

Шли годы. И сами ребята тоже менялись. Питер стал высоким, широкоплечим мужчиной, отважным воином, и его называли король Питер Великолепный. Сьюзен стала красивой стройной женщиной с чёрными волосами, падающими чуть не до пят, и короли заморских стран наперебой отправляли в Нарнию послов и просили её руку и сердце. Её прозвали Сьюзен Великодушная. Эдмунд был более серьёзного и спокойного нрава, чем Питер. Его прозвали король Эдмунд Справедливый. А золотоволосая Люси всегда была весела, и все соседние принцы мечтали взять её в жены, а народ Нарнии прозвал ее Люси Отважная.

Так они и жили — радостно и счастливо, и если вспоминали о своей прежней жизни по ту сторону дверцы платяного шкафа, то только как мы вспоминаем приснившийся нам сон. И вот однажды Тумнус — он уже стал к тому времени пожилым и начал толстеть — принёс им известие о том, что в их краях вновь появился Белый Олень — тот самый Олень, который выполняет все ваши желания, если вам удаётся его поймать. Оба короля и обе королевы и их главные приближённые отправились на охоту в западный лес в

сопровождении псарей с охотничьими собаками и егерей с охотничьими рожками. Вскоре они увидели Белого Оленя. Они помчались за ним по пущам и дубравам, не разбирая дороги; кони их приближённых выбились из сил, и только короли и королевы неслись следом за оленем. Но вот они увидели, что тот скрылся в такой чащобе, где коням не пройти. Тогда король Питер молвил (они говорили совсем иначе — так долго пробыли королевами и королями):

— Любезный брат мой, любезные сёстры мои, давайте спешимся, оставим наших скакунов и последуем за этим оленем. Ибо ни разу за всю мою жизнь мне не приходилось охотиться на такого благородного зверя.

— Государь, — ответствовали они, — да будет на то твоя воля!

И вот они слезли с коней, привязали их к деревьям и пешком двинулись в гущу леса. Не успели они туда войти, как королева Сьюзен сказала:

— Любезные друзья мои, перед нами великое чудо! Взгляните: это дерево — из железа!

— Государыня, — сказал король Эдмунд, — если вы как следует присмотритесь, вы увидите, что это — железный столб, на вершине которого установлен фонарь.

— Клянусь Львиной Гривой, весьма странно, — сказал король Питер, — ставить фонарь в таком месте, где деревья столь густо обступают его со всех сторон и кроны их вздымаются над ним столь высоко, что, будь он даже зажжён, его света бы никто не заметил.

— Государь, — сказала королева Люси, — по всей вероятности, когда ставили железный столб, деревья здесь были меньше и росли реже или вовсе не росли. Лес этот молодой, а столб старый.

И все они принялись разглядывать его. И вот король Эдмунд сказал:

— Я не ведаю, почему, но этот фонарь и столб пробуждают во мне какое-то странное чувство, словно я уже видел нечто подобное во сне или во сне, приснившемся во сне.

— Государь, с нами происходит то же самое.

— Более того, — сказала королева Люси, — меня не оставляет мысль, что, если мы зайдём за этот столб с фонарем, нас ждут необычайные приключения или полная перемена судьбы.

— Государь, — сказал король Эдмунд, — подобное же предчувствие шевелится и в моей груди.

— И в моей, любезный брат, — сказал король Питер.

— И в моей тоже, — сказала королева Сьюзен. —

А посему я советую вернуться к нашим коням и не преследовать более Белого Оленя.

— Государыня, — сказал король Питер, — дозволь тебе возразить. Ни разу с тех пор, как мы четверо стали править Нарнией, не было случая, чтобы мы взялись за какое-нибудь благородное дело — будь то сражение, рыцарский турнир, акт правосудия или ещё что-нибудь — и бросили на полдороге. Напротив, всё, за что мы брались, мы доводили до конца.

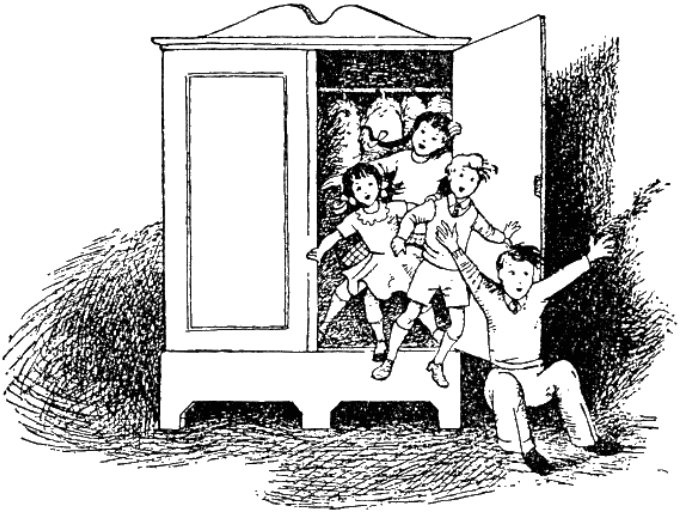
— Сестра, — сказала королева Люси, — мой брат-король произнёс справедливые слова. Мне думается, нам будет стыдно, если из-за дурных предчувствий и опасений мы повернём обратно и упустим такую великолепную добычу.

— Я с вами согласен, — сказал король Эдмунд. — К тому же меня обуревает желание выяснить, что всё это значит. По доброй воле я не поверну обратно даже за самый крупный алмаз, какой есть в Нарнии и на всех Островах.

— Тогда, во имя Аслана, — сказала королева Сьюзен, — раз вы все так полагаете, пойдём дальше и не отступим перед приключениями, которые нас ожидают.

И вот королевы и короли вошли в самую чащу. Не успели они сделать десяти шагов, как вспом-

нили, что предмет, который они видят перед собой, называется фонарный столб, а ещё через десять — почувствовали, что пробираются не между ветвей, а между меховых шуб. И в следующую минуту они гурьбой выскочили из дверцы платяного шкафа и очутились в пустой комнате. И были они не короли и королевы в охотничьих одеяниях, а просто Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси в их обычной одежде. Был тот же самый день и тот же самый час, когда они спрятались в платяном шкафу от миссис Макриди. Она всё ещё разговаривала с туристами по ту сторону двери. К счастью, те так и не зашли в пустую комнату и не застали там ребят.



На том бы вся история и кончилась, если бы ребята не чувствовали, что должны объяснить профессору, куда делись четыре шубы из платяного шкафа. И профессор — вот уж поистине удивительный человек! — не сказал им, чтобы они не болтали глупостей и не сочиняли небылиц, но поверил во всё, что услышал от них.

— Нет, — сказал он, — думаю, нет никакого смысла пытаться пройти через платяной шкаф, чтобы забрать шубы. *Этим* путем вы в Нарнию больше не проникнете. Да и от шуб было бы те-

перь мало проку, даже если бы вы их достали. Что? Да, конечно, когда-нибудь вы туда попадёте. Кто был королём в Нарнии, всегда останется королём Нарнии. Но не пытайтесь дважды пройти одним и тем же путем. Вообще не пытайтесь туда попасть. Это случится, когда вы меньше всего будете этого ожидать. И не болтайте много о Нарнии даже между собой. И не говорите никому, пока не убедитесь, что у тех, с кем вы беседуете, были такие же приключения. Что? Как вы это узнаете? О, *узнаете*, можете не сомневаться. Странные истории, которые они будут рассказывать, даже их взгляд выдаст тайну. Держите глаза открытыми. Ну чему только их учат в нынешних школах?

Вот теперь-то мы подошли к самому-пресамому концу приключений в платяном шкафу. Но если профессор не ошибался, это было только началом приключений в Нарнии.